КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.
Подъ общей редакціей проф. Б. А. ТУРАЕВА.

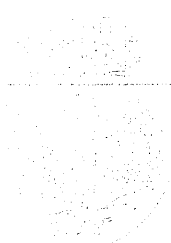
Выпускъ 5.

И. Г. ФРАНКЪ-КАМЕНЕЦКІЙ.

ПАМЯТНИКИ ЕГИПЕТСКОЙ РЕЛИГІИ ВЪ ѲИВАНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

I.

МОСКВА.
1917.

GIFT

[illegible]

Т—ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ ѳиванской религіи и связь ея съ иліопольскимъ культомъ.—Внѣшняя исторія ѳиванскаго культа.—Источники для изученія внутренняго содержанія ѳиванской религіи.

Среди многочисленныхъ боговъ египетскаго пантеона, Амонъ-Ра является одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ фигуръ и исторія его культа, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ всесторонняго изученія.

Имя этого бога вызываетъ въ памяти одну изъ наиболѣе яркихъ эпохъ египетской исторіи, когда цѣлый рядъ могущественныхъ и дѣятельныхъ фараоновъ, шагъ за шагомъ создавая міровое государство, пользовался въ то же время притокомъ въ страну огромныхъ богатствъ для воздвиженія безсмертнаго памятника богу, подъ эгидой котораго совершены были обширныя завоеванія. Въ этомъ отношеніи каждый изъ

фараоновъ этой эпохи стремился превзойти своего предшественника, и грандіозныя развалины созданныхъ въ эту эпоху храмовъ и въ настоящее время вызываютъ заслуженное восхищеніе всего міра. Сооруженные усиліями многихъ поколѣній вѣрныхъ подданныхъ фараоновъ, руководимыхъ подчасъ геніальными художниками, они, съ безчисленными изображеніями и надписями, украшающими ихъ стѣны и колонны, служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ глубокаго чувства признательности, какимъ были проникнуты эти фараоны въ отношеніи къ своему богу покровителю.

Впрочемъ, въ эту пору Амонъ-Ра былъ не только патрономъ царствующей династіи, но былъ въ истинномъ значеніи слова національнымъ богомъ, вокругъ котораго сосредоточились всѣ чаянія народа, впервые сбросившаго оковы тысячелѣтней замкнутости и выступившаго по волѣ судебъ на путь міровой исторіи. На немъ преимущественно сконцентрировалось религіозное сознаніе эпохи, смутно предугадывая въ его образѣ воплощеннаго въ національныя черты единаго творца и вседержителя міра. Монотеизмъ отожествленнаго съ Амономъ солнечнаго бога не былъ болѣе богословской доктриной, доступной лишь немногимъ посвященнымъ, а сталъ живой религіей народа, видѣвшаго воочію несокрушимое могущество бога, щедро дарившаго его своей милостью и покровительствомъ. Глядя на великолѣпные храмы, переполненные несмѣтными богатствами, доставшимися отъ покоренныхъ народовъ, радостно привѣтствуя появленіе бога въ торжественныхъ процессіяхъ, коими сопровождались его празднества, народъ конкретно ощущалъ присутствіе мощнаго и добраго генія, ставшаго символомъ прочнаго единенія страны и достигнутаго ею пышнаго расцвѣта. Не забывая своихъ прежнихъ боговъ, культъ которыхъ, освященный тысячелѣтней традиціей, продолжаетъ играть существенную роль въ повседневной жизни, народъ все глубже проникался великимъ догматомъ о главенствѣ солнечнаго бога, получившимъ, благодаря сліянію Амона и Ра, новое подтвержденіе въ реальной дѣйствительности.

Однако, достигшій наивысшаго развитія въ Ѳивахъ въ эпоху Новаго царства космическій монотеизмъ не является оригинальнымъ продуктомъ религіознаго творчества этой эпохи, а представляетъ собой лишь дальнѣйшее развитіе и углубленіе религіозныхъ воззрѣній, въ корнѣ своемъ восходящихъ къ глубокой древности. Несмотря на огромную роль, какую во всѣ времена играли въ Египтѣ такія явленія, какъ фетишизмъ, колдовство, культъ мертвыхъ и обоготвореніе фараоновъ, не-

смотря на все многообразіе созданныхъ ею причудливыхъ образовъ, египетская религія съ древнѣйшихъ временъ таила въ себѣ стремленіе къ постиженію единаго бога. Первымъ толчкомъ къ этому послужило, повидимому, объединеніе страны подъ властью фараоновъ Древняго царства; уже тогда *Пта*, мѣстный богъ Мемфиса, резиденціи фараоновъ, постепенно пріобрѣтаетъ характеръ высшаго божества для всего Египта. Съ другой стороны, олицетворявшія силы природы космическія божества съ самаго начала имѣютъ значеніе универсальныхъ боговъ и при посредствѣ созданныхъ народной фантазіей миѳовъ получаютъ широкое распространеніе по всей странѣ. На почвѣ сліянія обоихъ культовъ, мѣстнаго и космическаго, въ Иліополѣ въ древнѣйшее время положено было начало религіи солнечнаго монотеизма, который, начиная съ 5-й династіи, становится оффиціальнымъ культомъ. Съ распаденіемъ Египта на множество мелкихъ государствъ въ эпоху Средняго царства, снова начинаетъ усиливаться культъ мѣстныхъ боговъ; нѣкоторые изъ нихъ, благодаря сопоставленію ихъ съ тѣмъ или инымъ космическимъ божествомъ, достигаютъ значительнаго развитія. Но лишь одному изъ нихъ, ѳиванскому Амону, суждено было стать новымъ центромъ космическаго монотеизма, который въ эпоху Новаго царства достигъ небывалаго до тѣхъ поръ расцвѣта.

Намѣченный здѣсь вкратцѣ ходъ развитія монотеизма въ Египтѣ получилъ любопытное выраженіе въ одномъ изъ богословскихъ текстовъ конца Новаго царства. Здѣсь мы читаемъ: «Три бога есть всего: Амонъ, Ра, Пта. Нѣтъ никого рядомъ съ ними... Города ихъ утверждены на землѣ на вѣки: это: Ѳивы, Иліополь, Мемфисъ, навсегда. Указъ съ неба заслушивается въ Иліополѣ, повторяется въ Мемфисѣ для Прекраснолицаго и записанный на документѣ Тота (посылается) во градъ Амона. Въ Ѳивахъ дѣлу дается ходъ» [1]). Ѳиванскій богословъ конца Новаго царства не могъ яснѣе высказать положеніе объ иліопольскомъ происхожденіи ѳиванскаго монотеизма. Чрезвычайно любопытно его признаніе, что ученіе это появилось въ Ѳивахъ «записаннымъ на документѣ Тота», т. е. на нашемъ языкѣ въ видѣ «священной книги»; это соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленному факту: со времени отожествленія Амона и Ра ѳиванскій культъ акцептируетъ для себя возникшіе въ Иліополѣ

---

[1]) Лейденскій папирусъ I, 350; см. Б. А. Тураевъ, Исторія древняго Востока. Часть I, стр. 358.

гимны солнечному богу. Не менѣе характерна и заключительная фраза: «Въ Ѳивахъ дѣлу дается ходъ», — другими словами, изъ трехъ попытокъ утвердить въ Египтѣ ученіе монотеизма лишь послѣдняя, предпринятая ѳиванскими жрецами, оказалась долговѣчной.

* * *

Ни одинъ культъ даже въ Египтѣ не достигъ столь цвѣтущаго состоянія, не проникалъ такъ глубоко всѣ стороны національной культуры, какъ культъ Амона-Ра въ эпоху Новаго царства. Обширныя завоеванія 18-й династіи привлекли въ страну огромныя богатства въ видѣ дани покоренныхъ народовъ. Фараоны преподносили ихъ Амону въ благодарность за достигнутые съ его помощью военные успѣхи; такимъ образомъ въ рукахъ ѳиванскихъ жрецовъ сосредоточились значительныя матеріальныя средства. Не менѣе важно было и то, что владѣя оракуломъ Амона, они черезъ него могли оказывать существенное вліяніе на государственныя дѣла, особенно при колебаніи власти во время дворцовыхъ переворотовъ первой половины 18-й династіи. Сдерживаемое болѣе сильными фараонами этой династіи стремленіе ѳиванскихъ жрецовъ къ усиленію своего политическаго значенія въ странѣ приняло въ царствованіе Аменхотепа IV угрожающіе размѣры. Чтобы оградить себя отъ этихъ притязаній, фараонъ этотъ счелъ себя вынужденнымъ воспретить культъ Амона-Ра, замѣнивъ его новымъ, имъ самимъ установленнымъ култомъ Атона, и конфисковать огромное тогда уже храмовое имущество. Совершенный имъ переворотъ оказался недолговѣчнымъ; фанатическое преслѣдованіе популярнаго культа вызвало всеобщее недовольство въ странѣ, еще болѣе усугублявшееся политическими неудачами фараона. Не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ культъ Амона-Ра былъ возстановленъ и попрежнему объявленъ государственной религіей. Фараоны новой династіи оказались ревностными приверженцами этого культа; при Рамсесѣ II была построена наиболѣе грандіозная часть карнакскаго храма, а въ меньшихъ размѣрахъ расширеніе храмовъ Амона не прекращалось во весь остальной періодъ Новаго царства. Параллельно съ этимъ шло увеличеніе храмового имущества, достигшаго при Рамсесѣ III колоссальныхъ размѣровъ. Въ это время храму Амона принадлежали огромныя помѣстья, съ десятками тысячъ крѣпостныхъ и съ сотнями тысячъ головъ скота. Для управленія храмовымъ имуществомъ создана была сложная бюрократическая организація, во главѣ которой стояли крупные сановники, завѣ-

дывавшіе важнѣйшими отраслями храмового хозяйства. Въ вѣдѣніи храма состоялъ цѣлый штатъ архитекторовъ, скульпторовъ, художниковъ, ювелировъ; на нужды храма работали разнообразныя мастерскія, въ которыхъ представлены были чуть ли не всѣ существовавшія тогда въ Египтѣ ремесла. Средствами храма утилизировались собственныя каменоломни и золотые рудники. Кромѣ того, храму были отданы во владѣніе нѣкоторые изъ покоренныхъ городовъ, и въ распоряженіи верховнаго жреца Амона состоялъ военный отрядъ, при помощи котораго онъ самостоятельно держалъ ихъ въ повиновеніи. Естественно, что при такихъ условіяхъ высшіе представители ѳиванской іерархіи становились видными въ государствѣ лицами. Если въ теченіе 18-й династіи важнѣйшія должности по управленію храмовымъ имуществомъ оставались въ рукахъ великаго визиря или другихъ преданныхъ фараону свѣтскихъ сановниковъ, то къ концу Новаго царства замѣчается какъ разъ обратное явленіе: крупные представители духовенства постепенно забираютъ въ свои руки важнѣйшія свѣтскія должности. А верховный жрецъ Амона становится первымъ лицомъ въ государствѣ, въ рукахъ котораго фактически сосредоточена и свѣтская власть. Послѣдніе изъ Рамессидовъ были лишь номинально носителями царской власти, а короткое время спустя, мы видимъ уже верховнаго жреца Амона на тронѣ фараоновъ во главѣ созданнаго имъ теократическаго государства.

* * *

Каковъ же былъ внутренній обликъ божества, культъ котораго игралъ такую доминирующую роль въ эпоху наивысшаго расцвѣта политической жизни страны?

Внутреннее содержаніе ѳиванской религіи раскрывается передъ нами въ цѣломъ рядѣ гимновъ и молитвъ, обращенныхъ къ Амону-Ра. Подъ гимнами мы подразумѣваемъ не только литургическіе тексты, но и такіе продукты религіозной поэзіи, которые не предназначались спеціально для богослуженія; къ гимнамъ относятъ также тексты богословскаго характера, являющіеся скорѣе продуктомъ умозрѣнія, нежели непосредственнаго религіознаго переживанія. Вся эта литература сохранилась большей частью въ папирусахъ (гимны перечисленныхъ трехъ родовъ и молитвы фараоновъ) и лишь отчасти на стэлахъ (побѣдные гимны 18-й династіи и молитвы частныхъ лицъ).

Только то, что сохранилось на стэлахъ можетъ считаться современнымъ памятникомъ въ точномъ значеніи слова. Вся

остальная литература, сохранившаяся въ папирусахъ дошла до насъ въ редакціи позднѣйшаго времени и носитъ на себѣ печать многихъ поколѣній. Каждое поколѣніе видоизмѣняло дошедшіе до нея тексты сообразно съ конкретной обстановкой и религіозными теченіями своего времени, то углубляя, то, напротивъ, искажая ихъ первоначальный смыслъ. Въ эпоху Средняго царства өиванская религія еще не проявляетъ самостоятельнаго творчества въ области религіозной поэзіи, а пользуется для своего богослуженія заимствованными отъ иліопольскаго культа солнечными гимнами, подвергая ихъ при этомъ незначительнымъ измѣненіямъ. Лишь въ теченіе 18-й династіи впервые появляются оригинальные памятника өиванской религіозной поэзіи: побѣдные гимны и молитвы фараоновъ. Къ концу этой династіи въ өиванскую религію врывается новый элементъ въ видѣ религіознаго ученія Аменхотепа IV; неудавшаяся попытка его реформировать египетскую религію не могла не отразиться на өиванской религіозной поэзіи; она дала поводъ къ появленію новыхъ оригинальныхъ текстовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ старые тексты теперь подвергаются существенной переработкѣ, главнымъ образомъ въ полемическихъ цѣляхъ. Къ концу Новаго царства религіозная литература принимаетъ по преимуществу умозрительный характеръ: появляются новые тексты богословскаго содержанія, а прежніе тексты снова подвергаются измѣненіямъ уже явно тенденціознаго характера. Наконецъ, за богословскимъ періодомъ наступаетъ время, когда жрецы уже не вникаютъ болѣе въ содержаніе дошедшихъ до нихъ религіозныхъ текстовъ, почитая одинаково священнымъ всякій клочекъ папируса, на которомъ написано имя какого бы то ни было бога. Въ эту эпоху, повидимому, редактированы были дошедшіе до насъ папирусы [1]), содержащіе вперемежку гимны различнымъ богамъ, въ частности Амону-Ра. Они-то и служатъ главнымъ источникомъ для изученія внутренняго содержанія өиванской религіи.

[1]) Большая часть ихъ филологически разработана и отчасти использована въ литературѣ. Русскій переводъ важнѣйшихъ памятниковъ данъ Б. А. Тураевымъ въ Исторіи древняго Востока, стр. 282, 356—358, 364. Не разработанъ до сихъ поръ берлинскій папирусъ 3049, содержащій между прочимъ интересный матеріалъ для освѣщенія первоначальнаго періода, а также гимны, заключающіеся въ «Ритуалѣ Амона» и нѣкоторые другіе. Точныя указанія источниковъ даны ниже при разборѣ отдѣльныхъ гимновъ.

Какъ составлялись подобные сборники гимновъ, можно нагляднѣе всего видѣть на примѣрѣ лейденскаго папируса 1.350. Онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда небольшихъ гимновъ обращенныхъ къ различнымъ богамъ и относящихся къ самымъ различнымъ эпохамъ. Рядомъ съ сухимъ богословскимъ трактатомъ мы находимъ здѣсь лучшіе образцы религіозной поэзіи, рядомъ съ традиціоннымъ солнечнымъ гимномъ—тексты, живо напоминающіе библейскіе псалмы.—Для редакціонной дѣятельности составителя сборника характерна слѣдующая подробность; гимны, заключающіеся въ папирусѣ, пронумерованы (правильно—отъ 1-го до 10-го; за 10-ымъ слѣдуетъ 20-ый, 30-ый и т. д., за 100-ымъ—200-ый, 300-ый и т. д.) Порядокъ, въ которомъ размѣщены гимны, находится въ зависимости отъ начальнаго слова даннаго текста. Если гимнъ начинается словомъ «три» (наприм. «Три бога есть всего»), то редакторъ сборника ставитъ впереди него: «Глава 3-я», или «30-я» или «300» и удѣляетъ ему соотвѣтствующее мѣсто въ папирусѣ; если гимнъ начинается словомъ «Эннеада», то ему удѣляется 9-ое мѣсто или 90-е и т. д. Но если гимнъ начинается фразой: «Сокрушенъ хулитель Ѳивъ», то онъ долженъ занять въ папирусѣ 7-ое мѣсто, потому что употребленное въ египетскомъ текстѣ слово sfh («сокрушенъ») однозвучно съ числительнымъ «семь». Получающаяся такимъ образомъ игра словъ между номеромъ гимна и его начальнымъ словомъ является единственнымъ принципомъ, какимъ составитель папируса руководится при собираніи и распредѣленіи текстовъ. Къ какому богу обращенъ гимнъ, къ какой эпохѣ онъ относится, какимъ настроеніемъ онъ проникнутъ, какія тенденціи преслѣдуетъ его авторъ,—все это въ глубокой мѣрѣ безразлично редактору папируса.

Не менѣе случайнымъ является подборъ и распредѣленіе гимновъ въ другихъ аналогичныхъ сборникахъ. Желая использовать ихъ, какъ матеріалъ для исторіи ѳиванской религіи, мы должны подвергнуть ихъ существенной переработкѣ. Освободивъ гимны отъ механическихъ вставокъ позднѣйшаго времени, мы должны отдѣлить тексты богословскаго характера отъ продуктовъ религіозной поэзіи въ истинномъ значеніи слова. Въ послѣднихъ мы должны далѣе отдѣлить то, что вошло въ ѳиванскую религію уже въ готовомъ видѣ отъ оригинальныхъ продуктовъ ѳиванской религіозной поэзіи. Въ текстахъ послѣатоновскаго періода мы должны отдѣлить все, что возникло подъ вліяніемъ новаго ученія отъ того, что сохранилось отъ предыдущаго времени. Словомъ, мы не можемъ ограничиться критикой текста, а должны анализировать содержаніе гимновъ,

пытаясь по возможности опредѣлить время возникновенія ихъ въ первоначальномъ видѣ. Такимъ путемъ мы получаемъ возможность выдѣлить для каждой эпохи наиболѣе характерные для нея памятники, использовавъ послѣдніе для характеристики того періода, въ теченіе котораго они возникли.

Переводу и разбору гимновъ мы предпосылаемъ краткій очеркъ развитія ѳиванской религіи. Фактически, онъ является, конечно, результатомъ изученія памятниковъ, но въ изложеніи онъ долженъ занять первое мѣсто, потому что положенная въ его основу точка зрѣнія послужитъ въ то же время исходнымъ пунктомъ для историко-критическаго анализа гимновъ.

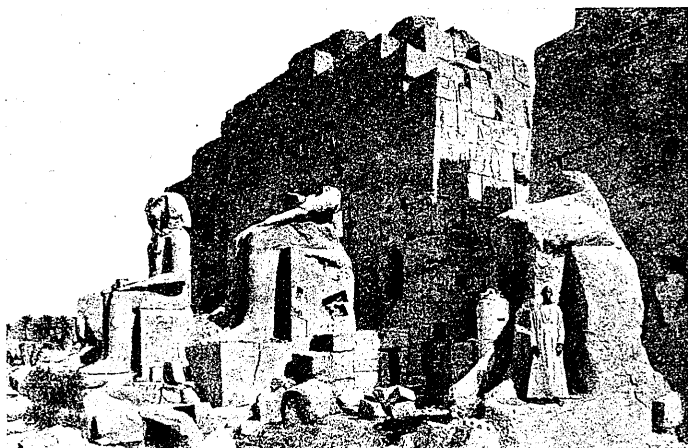
Сообразно намѣченнымъ въ 1-ой главѣ четыремъ важнѣйшимъ періодамъ ѳиванской религіи онъ распадается на слѣдующіе самостоятельные очерки:

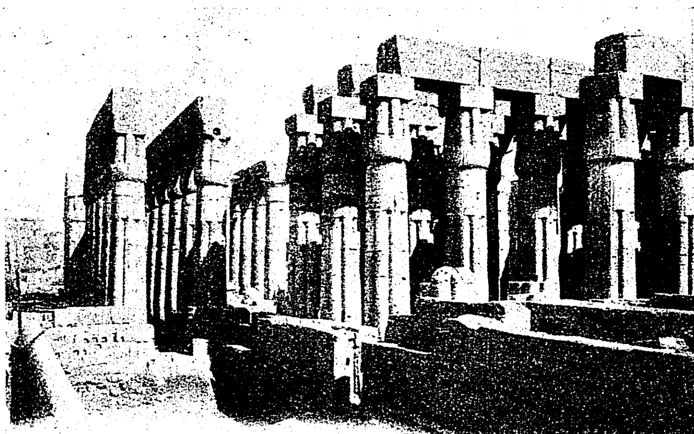
Отожествленіе Амона и Ра, какъ исходный пунктъ развитій ѳиванской религіи.

Національный характеръ Амона-Ра и связь его съ царской властью.

Идея мірового бога въ ѳиванской религіи.

Ѳиванское богословіе и индивидуальная набожность.

I.

ВАЖНѢЙШІЕ ЭТАПЫ ВЪ РАЗВИТІИ ѲИВАНСКОЙ РЕЛИГІИ.

Первоначальный періодъ: отожествленіе Амона и Ра.—Національный характеръ Амона и связь его съ царской властью.—Амонъ-Ра на пути къ превращенію въ міроваго бога. Амонъ и Атонъ.—Богословскій періодъ и индивидуальная набожность.—Ѳиванская религія и Ветхій Завѣтъ.

Характерный особенностью всякой живой религіи является то, что лежащее въ основѣ ея понятіе божества не остается всегда неизмѣннымъ, а претерпѣваетъ совершенно опредѣленную эволюцію, отражая въ себѣ историческія судьбы почитающаго его народа. Въ этомъ смыслѣ боги, какъ и народы, имѣютъ свою исторію, и пытаясь возстановить образъ Амона-Ра, мы прежде всего должны намѣтить важнѣйшіе этапы въ развитіи ѳиванской религіи, совпадающіе съ опредѣленными періодами внѣшней исторіи народа. Такимъ путемъ мы получаемъ возможность устранить изъ понятія божества разнородныя, нерѣдко противорѣчащія другъ другу черты, отнеся ихъ къ различ-

нымъ фазисамъ религіознаго развитія, и возсоздать для каждой эпохи цѣльный образъ бога, соотвѣствующій историческої обстановкѣ момента.

Въ древнѣйшее время Амонъ былъ мѣстнымъ богомъ Ѳивъ, значеніе котораго для египетской религіи было столь же ничтожно, какъ незначителенъ былъ тогда городъ, пользовавшійся его покровительствомъ. Традиція не приписываетъ ему никакихъ специфическихъ чертъ; мы знаемъ лишь то, что онъ обычно изображается въ видѣ человѣка. Для тѣснаго круга своихъ почитателей онъ, какъ всякій мѣстный богъ, является единымъ источникомъ всякой жизненной силы, ограниченной лишь узкими рамками приписываемой ему сферы дѣятельности.

Такимъ образомъ въ немъ въ зачаточномъ видѣ уже заложена идея универсальнаго бога, для конкретнаго осуществленія которой необходима, однако, соотвѣтствующая историческая обстановка. Для Ѳивъ она наступила лишь въ эпоху Средняго царства съ появленіемъ 11-й и 12-й династіи. Въ это время космическій монотеизмъ иліопольскаго Ра, утратившій уже въ значительной мѣрѣ свою жизненность, вслѣдствіе политическаго раздробленія страны, все еще былъ наиболѣе распространеннымъ въ Египтѣ культомъ. Не рѣшаясь вступить на путь полемики съ религіей, которую они сами почитали священной, ѳиванскіе жрецы прибѣгли къ способу идентификаціи, съ древнѣйшихъ временъ игравшей большую роль въ египетской религіи. Объявляя Амона воплощеніемъ солнечнаго бога, ѳиванскіе жрецы въ сущности лишь повторили то, что сдѣлали нѣкогда иліопольскіе жрецы, установившіе тожество Атума и Ра. Созданное такимъ образомъ новое божество оказалось настолько жизнеспособнымъ, что оно на цѣлое тысячелѣтіе стало высшимъ божествомъ для всей страны.

Провозглашенное тожество Амона и Ра отнюдь не было только номинальнымъ, а сопровождалось перенесеніемъ на Амона всѣхъ представленій и миѳовъ, связан-

ныхъ съ солнечнымъ богомъ, и повлекло за собой реформу ѳиванскаго богослуженія. Правда, въ эпоху Средняго царства мы не можемъ еще констатировать появленія новыхъ религіозныхъ текстовъ; перенося на Амона древніе солнечные гимны, жрецы подвергали ихъ лишь незначительнымъ измѣненіямъ, приспособляя ихъ къ новому культу. Но если содержаніе этихъ гимновъ углубляло и обогащало ѳиванскую религію, еще не доросшую до самостоятельнаго творчества въ области религіозной поэзіи, то, съ другой стороны, самъ фактъ ихъ перенесенія на Амона показываетъ, что гимны въ сущности были лишь болѣе яркимъ поэтическимъ выраженіемъ тѣхъ воззрѣній и чувствъ, какими проникнута была сама ѳиванская религія.

Выросшая на почвѣ постепеннаго расширенія мѣстнаго культа, всегда чутко отражавшая въ себѣ историческія судьбы народа, ѳиванская религія, безъ сомнѣнія, таила въ себѣ самодовлѣющій родникъ религіознаго творчества. Болѣе яркіе плоды этого творчества сказались лишь позднѣе въ эпоху Новаго царства; но и теперь въ первоначальный періодъ самостоятельность новой религіи проявилась въ томъ, какъ старыя, утратившія уже реальное значеніе представленія были претворены ею въ новый образъ живого бога, творца міра и истиннаго вершителя судебъ своего народа. Въ эпоху Средняго царства древніе миѳы, давно уже облеченные народной поэзіей въ эпическую форму, представляли преимущественно теоретическій интересъ, удовлетворяя познавательной потребности народа, естественно ставившаго себѣ вопросъ о происхожденіи міра и его первопричинѣ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ примѣненіе ихъ въ ѳиванскомъ богослуженіи. Перенося на Амона связанные съ солнечнымъ богомъ легенды и образы, жрецы ѳиванскіе дѣлали это прежде всего постольку, поскольку они видѣли въ нихъ подтвержденіе созданной реальной жизнью вѣры во всемогущество своего бога. Космическій характеръ божества, являясь по-

рукой его вѣчнаго бытія и присущей ему животворящей силы, упрочивалъ за нимъ неограниченную сферу дѣятельности и кругъ почитателей. Что же касается миѳическихъ сказаній, въ которыхъ Ра изображается устроителемъ египетскаго государства, источникомъ мудрости и справедливости, впервые внесшимъ порядокъ въ человѣческія отношенія,—подобно тому, какъ онъ же впервые внесъ стройность въ бывшей до него въ хаотическомъ состояніи природѣ,—то эти воззрѣнія тѣмъ легче могли быть ассимилированы религіей Амона, что сами они въ свое время возникли на почвѣ сліянія мѣстнаго культа съ космическимъ. Утверждая, что Амонъ есть не кто иной, какъ появившійся въ хаосѣ богъ свѣта, сокрушившій духа тьмы, сотворившій міръ, боговъ и людей,—ѳиванскіе жрецы не только использовали для своей религіи популярныя въ народѣ воззрѣнія, но внесли новую жизнь въ ставшія уже абстрактными формулы, сдѣлали объектомъ непосредственнаго религіознаго переживанія то, что давно уже стало дѣломъ богословскаго умозрѣнія. Потускнѣвшій образъ вознесшагося на небо «иліопольскаго старца», столь же чуждый непосредственному чувству, какъ сіяющее въ недоступной высотѣ солнце, получилъ теперь конкретное воплощеніе въ образѣ мѣстнаго бога, всегда чутко отзывавшагося на насущныя нужды своихъ почитателей. Особенно подчеркивая личный характеръ новаго бога, бережно воспроизводя изъ дошедшихъ до нихъ текстовъ все, что могло служить яркимъ выраженіемъ тѣснаго взаимоотношенія между богомъ и людьми, основаннаго на искреннемъ почитаніи не только мощнаго, но и благого бога,—ѳиванскіе жрецы достигли того, что космическій монотеизмъ изъ абстрактной догмы превратился въ живую религію народа.

* * *

Новый стимулъ къ дальнѣйшему развитію религія эта получила въ періодъ борьбы за независимость Египта

(отъ господства гиксосовъ) и въ послѣдовавшую за ней эпоху завоеваній. Въ это время Амонъ-Ра становится преимущественно богомъ войны, помощи котораго приписываются военные успѣхи фараоновъ. Однако, теоретически, тѣсная связь Амона съ царской властью противорѣчитъ древней традиціи, по которой фараонъ считается воплощеніемъ Гора, унаслѣдовавшаго отъ Осириса нѣкогда земную царскую власть Ра. Въ моментъ своего возникновенія эта точка зрѣнія соотвѣтствовала реальной связи фараоновъ 5-й династіи съ иліопольскимъ культомъ. Въ періодъ Новаго царства она превратилась бы въ мертвую догму, если бы не могла опереться на установленное тожество Амона и Ра; теперь фараонъ могъ именоваться въ архаической титулатурѣ Горомъ и сыномъ Ра, и въ то же время почитаться сыномъ Амона. На памятникахъ этой эпохи нерѣдко встрѣчаются изображенія, снабженныя соотвѣтствующимъ текстомъ, въ которыхъ болѣе чѣмъ наглядно представлено тѣлесное происхожденіе фараона отъ Амона. Въ этихъ изображеніяхъ присущее ѳиванской религіи стремленіе конкретизировать абстрактныя религіозныя формулы получило, пожалуй, уже черезчуръ рѣзкое выраженіе.

Гораздо важнѣе было то, что благодаря тѣсной связи съ царской властью, Амонъ-Ра пріобрѣлъ въ эту эпоху ярко выраженный національный характеръ. Этимъ въ египетскую религію внесенъ былъ новый элементъ, послужившій источникомъ новаго рода религіозной поэзіи. Мы имѣемъ въ виду побѣдные гимны, въ которыхъ въ яркихъ краскахъ изображается могущество Амона, «дарующаго фараону силу и побѣду надъ всѣми странами, распространяя страхъ передъ нимъ до четырехъ столповъ неба». Эти гимны, какъ нельзя лучше, вскрываютъ передъ нами главный источникъ, которымъ питалась вѣра ѳиванскихъ жрецовъ во всемогущество Амона: то были внѣшніе успѣхи руководимыхъ имъ фараоновъ. Связь съ прежнимъ цикломъ воззрѣній сохранилась и въ нихъ, она даетъ себя чувство-

вать въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ сравненій, возвеличивающихъ образъ фараона въ бою: появляясь среди враговъ, онъ, какъ солнце, ослѣпляетъ ихъ своимъ сіяніемъ; змѣя, украшающая чело фараона, изрыгая пламя, повергаетъ въ прахъ враговъ его подобно тому, какъ та же змѣя нѣкогда помогла солнечному богу побороть дракона тьмы. Однако, въ побѣдныхъ гимнахъ подобные миѳологическіе намеки уже до извѣстной степени производятъ впечатлѣніе литературнаго пріема; въ нихъ лишь мимоходомъ подчеркивается космическій характеръ бога, служащій какъ бы лишнимъ подтвержденіемъ созданной реальной жизнью вѣры въ его всемогущество.

Приписывая Амону главную роль въ побѣдахъ фараоновъ ѳиванская религія тѣмъ самымъ въ сильной степени умаляетъ значеніе фараона, низводитъ его на степень орудія въ рукахъ божества. Съ точки зрѣнія египетской религіи, это представляетъ собой существенный прогрессъ въ воззрѣніи на царскую власть. Въ первую половину Древняго царства фараонъ помимо космическихъ божествъ, является единственнымъ богомъ, который пользуется признаніемъ во всей странѣ. Въ періодъ широкаго распространенія иліопольскаго культа онъ отодвигается на второй планъ передъ солнечнымъ богомъ, и признаніе его сыномъ Ра было въ сущности умаленіемъ его значенія, какъ самостоятельнаго бога [1]). Эта точка зрѣнія не только была усвоена ѳиванской религіей, но и получила въ ней дальнѣйшее развитіе. Всѣ боги теперь вынуждены были склониться передъ величіемъ Амона-Ра; наравнѣ съ людьми они почитаютъ въ немъ своего творца и промыслителя— естественно, что и фараонъ могъ въ эту пору почитаться богомъ лишь въ очень условномъ смыслѣ. Такъ, постепенно, уже на почвѣ ѳиванской религіи подготовляется тотъ переворотъ во взглядахъ египтянъ на сущность царской власти, который временно получилъ офиціальное

---

[1]) Ed. Meyer. Geschichte, B. I, 2, § 252.

признаніе при Аменхотепѣ IV, какъ это явствуетъ изъ совершонной имъ реформы придворнаго искусства: на офиціальныхъ изображеніяхъ фараонъ представленъ, какъ простой смертный въ кругу своей семьи.

Өиванская религія, отстаивая догматъ о божественномъ происхожденіи фараона, придала ему нѣсколько иное, чѣмъ прежде, значеніе. Представляя собой переходную ступень отъ человѣка къ богу, фараонъ является посредникомъ между народомъ и Амономъ. Внѣшнимъ образомъ эта роль его сказывается въ томъ, что на оффиціальныхъ изображеніяхъ всѣ ритуальныя дѣйствія совершаетъ фараонъ, а не верховный жрецъ Амона. Сопоставляя названныя изображенія съ тѣми, въ которыхъ Амонъ передаетъ фараону эмблемы покоренныхъ народовъ, мы наглядно видимъ, какъ реальная дѣйствительность преломляется въ сознаніи өиванскихъ жрецовъ: Амонъ даруетъ фараону побѣду надъ врагомъ, но совершая свои завоеванія, фараонъ въ свою очередь упрочиваетъ могущество бога. Такимъ образомъ, отношеніе между ними основано на отеческомъ попеченіи, съ одной стороны, и сыновней признательности—съ другой.

Но при всей своей близости къ богу, фараонъ во всемъ раздѣляетъ участь смертнаго; въ трудную минуту онъ обращается за помощью къ Амону такъ, какъ послѣдній изъ его подданныхъ ищетъ защиты у власть имущихъ. Такъ, впервые создается почва для проявленія индивидуальной набожности, носителемъ которой является пока еще только фараонъ; воплощая въ себѣ судьбу всего народа, онъ оказывается достойнымъ вниманія бога.

Присущій өиванской религіи личный характеръ божества, какъ нельзя болѣе ярко, отражается въ дошедшихъ до насъ молитвахъ фараоновъ. Въ одной изъ нихъ мы видимъ, какъ фараонъ въ моментъ крайней опасности въ бою, покинутый своими сподвижниками, набожно молится Амону, напоминая ему, что онъ всегда былъ ревностнымъ приверженцемъ его культа, не щадившимъ

средствъ для его возвеличенія, и Амонъ спѣшитъ на помощь къ своему сыну, отстаивая преданный ему народъ противъ «не знающихъ его имени» азіатовъ. Съ облегченнымъ сердцемъ фараонъ восклицаетъ, что богъ оказался для него сильнѣе десятковъ тысячъ, въ трудную минуту покинувшихъ его.—Въ этихъ молитвахъ ѳиванская религія по своему настроенію безконечно приближается къ религіи Ветхаго Завѣта на соотвѣтствующей стадіи развитія.

* * *

Избравъ фараона орудіемъ для осуществленія своихъ предначертаній, Амонъ-Ра черезъ него вершалъ судьбы своего народа; военные успѣхи Египта служили неопровержимымъ доказательствомъ могущества бога, простиравшагося, очевидно, далеко за предѣлы этой страны. По слову Амона «враги повергнуты подъ сандаліи фараона» и ему,—а стало быть прежде всего Амону,—«подвластна вся земля въ длину и ширину, на западъ и на востокъ». По мѣрѣ расширенія господства Египта культъ Амона-Ра постепенно распространяется въ покоренныхъ земляхъ; въ Нубіи онъ пустилъ уже глубокіе корни, теперь онъ, повидимому, начинаетъ прививаться и въ Сиріи. Такъ, постепенно, сфера вліянія этого бога охватываетъ весь извѣстный тогда Египту міръ, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ѳиванская религія была на пути къ созданію идеи мірового бога, когда естественный ходъ ея развитія внезапно былъ прерванъ попыткой Аменхотепа IV навязать Египту новую религію.

Сущность его вѣроученія сводится къ слѣдующему. Почитаемые во всей странѣ боги, и прежде всего считавшійся могущественнѣйшимъ изъ нихъ Амонъ, являются продуктомъ народной фантазіи и не представляютъ собой реальныхъ силъ, достойныхъ почитанія. Единая сила, создавшая міръ и управляющая имъ, это божество, воплощенное въ солнцѣ, но не иліопольскій Ра, съ которымъ

традиція связываетъ опредѣленныя миѳическія представленія, а ежедневно восходящее на горизонтѣ солнце. Животворящая сила его очевидна для всѣхъ; ночью, когда богъ этотъ покоится въ горизонтѣ (въ своемъ жилищѣ), земля погружена въ молчаніе, всякая жизнь на ней замираетъ, наступаетъ царство темныхъ силъ (не миѳическаго дракона тьмы, а въ болѣе реальномъ смыслѣ слова): человѣку угрожаютъ тогда всевозможныя опасности отъ дикихъ звѣрей, отъ злыхъ людей. Когда на утро солнце озаряетъ землю, природа снова оживаетъ и радостно привѣтствуя своего творца, жизнедателя, люди, а съ ними и вся природа возобновляютъ прерванную многообразную жизнь. Въ изображеніяхъ этого рода гимнъ Аменхотепа IV проявляетъ истинное творчество поэта, проникшаго въ тайны жизни природы [1]). Божество это (Атонъ) равномѣрно распространяетъ свое благодатное дѣйствіе на весь міръ, поэтому оно ничего общаго не имѣетъ съ тѣми образами, которые создала египетская миѳологія, и родиной его не могутъ быть ни Ѳивы, ни Иліополь, ни вообще Египетъ. Богъ этотъ создалъ всѣ страны и всѣ народы, которыхъ онъ отличилъ по языку и цвѣту кожи, но всѣ они одинаково пользуются его попеченіемъ. Въ этомъ космополитическій характеръ новаго ученія.

Не останавливаясь на положительныхъ сторонахъ этого ученія, которымъ Аменхотепъ IV чуть не на тысячу лѣтъ опередилъ свое время, попытаемся выяснить, что могла противопоставить ему ѳиванская религія; какими средствами достигла она того, что провозглашенное съ высоты трона новое ученіе было въ короткое время настолько устранено, что память о немъ безслѣдно исчезла изъ со-

---

[1]) Въ нихъ есть что-то сходное съ лучшими образцами стѣнной живописи, украшающими гробницы Древняго царства, гдѣ художникъ безъ видимаго повода, подчиняясь лишь творческому порыву, даетъ намъ прекрасныя воспроизведенія изъ жизни животнаго и растительнаго міра.

знанія народа. Мы видѣли, что главный источникъ жизненности ѳиванской религіи заключался въ конкретизированіи абстрактныхъ религіозныхъ догматовъ и въ личномъ характерѣ божества. Обѣ эти черты совершенно отсутствуютъ въ новомъ ученіи. Если космическій монотеизмъ лишь благодаря сліянію Амона съ Ра претворился въ живую религію, то Аменхотепъ IV пытался замѣнить послѣднюю уже не богословскимъ догматомъ, а чисто абстрактной теоріей. А безличный характеръ новаго божества, равномѣрно распространяющаго свое благодатное вліяніе на всѣ страны міра, дѣлалъ его безразличнымъ и недоступнымъ для народа. Если для насъ особенно цѣннымъ является общечеловѣческій характеръ новой религіи, то для Египта 18-й династіи онъ былъ несовмѣстимъ съ живѣйшими интересами націи. Космополитизмъ фараона не былъ только теоретическимъ, а сопровождался индиферентнымъ отношеніемъ его къ внѣшней политикѣ; ѳиванскіе жрецы были по своему правы, когда истолковывали неудачи этого фараона, какъ гнѣвъ боговъ за отпаденіе отъ традиціонной религіи [1]).

Не могъ способствовать успѣху религіозной реформы и случайный выборъ новой резиденціи, ставшей центромъ культа Атона. Имя Яхтъ-Атонъ ни въ комъ не вызывало благоговѣйнаго трепета; между тѣмъ «градъ Амона», какъ религіозный центръ, имѣлъ за собой уже вѣковую традицію, а въ послѣднее столѣтіе онъ сталъ символомъ величія и мощи Египта. Въ гимнахъ, торжествующихъ побѣду Амона надъ Атономъ, этотъ моментъ выдвигается съ особенной силой; въ нихъ мы на ряду съ ненавистью къ еретику-фараону находимъ также искреннее ликованіе по поводу того, что богъ, бывшій въ теченіе многихъ вѣковъ вѣрнымъ оплотомъ, не могъ быть низвергнутъ кощунственной рукой.—Историческій ходъ событій оправдалъ несокруши-

---

[1]) См. мою статью въ Orientalistische Literaturzeitung, за іюль 1914 года.

мую вѣру ѳиванскихъ жрецовъ во всемогущество Амона: вернувшіеся къ прежней религіи фараоны 19-й династіи возстановили, хотя и не въ прежнихъ рамѣрахъ, внѣшнія владѣнія Египта.

При всемъ томъ новое ученіе не прошло безслѣдно для ѳиванской религіи; но въ той манерѣ, какъ она ассимилировала себѣ наиболѣе цѣнные его элементы, поставивъ ихъ въ тѣсную связь съ традиціонными вѣрованіями и связавъ ихъ съ личнымъ характерамъ бога,—она въ послѣдній разъ проявила присущую ей во всѣ времена гибкость и жизнеспособность. Идея міроваго бога была, какъ мы видѣли, не чужда и ѳиванской религіи къ концу 18-й династіи. Но для нея вѣра во власть Амона надъ чужими странами не была абстрактной теоріей, а конкретно доказывалась тѣмъ, что Амонъ покорялъ эти земли Египту; такимъ образомъ міровое значеніе Амона-Ра не только не противорѣчило его національному характеру, но являлось естественнымъ послѣдствіемъ его; только въ такомъ видѣ идея о міровомъ господствѣ бога могла вызвать къ себѣ живое участіе народа.

Не чуждъ былъ ѳиванской религіи и монотеистическій характеръ новаго ученія, но для нея монотеизмъ не связанъ былъ съ отрицаніемъ остальныхъ боговъ, а означалъ лишь подчиненіе ихъ Амону-Ра, какъ верховному божеству. Гимны нерѣдко надѣляютъ Амона-Ра эпитетомъ «единый »; въ текстахъ послѣ-атоновскаго періода мы встрѣчаемъ даже выраженіе «единственно-единый»; но одновременно съ этимъ подчеркивается благожелательное отношеніе его къ культу остальныхъ боговъ. Это не только способствовало популярности ѳиванскаго культа, но служило въ то же время доказательствомъ безконечной благости Амона.

Былъ въ гимнахъ Атону еще одинъ элементъ, который нашелъ живой откликъ въ ѳиванской религіи: это яркія изображенія благотворнаго вліянія солнца на животный и растительный міръ. Ѳиванскіе жрецы охотно

воспринимаютъ не чуждую имъ самимъ идею, что присутствіе бога ощущается въ каждомъ проявленіи жизни. Въ гимнахъ послѣ-атсновскаго періода мы нерѣдко встрѣчаемъ изображенія, живо напоминающія въ этомъ отношеніи гимнъ Атону. Но включая этотъ элементъ въ свою религіозную поэзію, ѳиванскіе жрецы придаютъ ему нѣсколько иной оттѣнокъ. Если въ гимнахъ Атону благодатное дѣйствіе солнца и вызываетъ ликованіе во всей природѣ, то все же оно является преимущественно природнымъ свойствомъ космическаго тѣла. Для ѳиванскихъ жрецовъ источникомъ этой благодати не могъ быть никто иной, какъ отожествленный съ солнцемъ Амонъ. Онъ милостивъ не только къ людямъ, внимая мольбамъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, но онъ же удѣляетъ заботу всѣмъ безпомощнымъ тварямъ, даруя пищу рыбамъ въ водѣ и пресмыкающимся, мышамъ въ ихъ норахъ и самому ничтожному насѣкомому. Оттого и любитъ его всякая тварь земная, чувствуя на себѣ его милость и попеченіе.

Этотъ элементъ любви, какъ основы взаимоотношенія между человѣкомъ и богомъ, перенесенный здѣсь на всю природу, во всѣ времена игралъ существенную роль въ ѳиванской религіи. Онъ возникъ на почвѣ мѣстнаго культа въ то время, когда Ѳивы еще представляли собой небольшую общину, считавшую Амона своимъ ближайшимъ покровителемъ. Въ эпоху наивысшаго расцвѣта политической жизни Египта Амонъ-Ра, возведенный на степень «царя боговъ», становится недосягаемымъ для простого люда. Элементъ любви и отеческаго попеченія, однако, не исчезаетъ изъ религіозныхъ представленій, но концентрируется преимущественно на фараонѣ, какъ представителѣ націи. Съ теченіемъ времени онъ переносится на весь народъ, особенно на угнетенныхъ, обиженныхъ судьбой, но искренно вѣрующихъ, которымъ Амонъ вовремя является на помощь. Такимъ образомъ благость бога, вытекающая изъ его личнаго характера, становится источникомъ этическаго начала въ религіи. Амонъ ста-

новится преимущественно защитникомъ слабыхъ: «онъ слушаетъ бѣднаго, который въ утѣсненіи, избавляетъ боязливаго отъ надменнаго, разсуждаетъ между убогимъ и богатымъ».

* * *

Въ борьбѣ съ ученіемъ Аменхотепа IV развитіе ѳиванской религіи достигло кульминаціоннаго пункта; гимны, воспѣвающіе торжество Амона надъ кощунственнымъ фараономъ, еще проникнуты глубокимъ чувствомъ, но это уже послѣдніе проблески религіознаго творчества. Въ послѣдующій періодъ религіозная поэзія вытѣсняется умозрительнымъ богословіемъ, что всегда служитъ признакомъ того, что отъ нея уже отлетѣла живая душа. Причина совершившейся перемѣны кроется, какъ всегда въ Египтѣ, въ политическихъ условіяхъ момента. Еще при Рамсесѣ II сѣверъ пріобрѣтаетъ преимущественное значеніе передъ югомъ, и Ѳивы перестаютъ быть резиденціей фараоновъ, а въ теченіе 20-й династіи намѣчаются явные признаки разложенія египетскаго государства, упадокъ ея политической мощи, бывшей, какъ мы видѣли, главнымъ стимуломъ ѳиванской религіи. Основными моментами ея были вѣра въ животворящую силу Амона-Ра и ученіе о его единствѣ; чѣмъ меньше реальная жизнь давала подтвержденій этимъ догматамъ, тѣмъ болѣе они нуждались въ хитроумныхъ доказательствахъ. Если въ цвѣтущій періодъ ѳиванской религіи созданная самой жизнью вѣра въ творческую силу Амона и въ его могущество служили лучшимъ подтвержденіемъ его идентичности съ Ра, то въ эту эпоху наоборотъ, догматъ объ этомъ тожествѣ становится доказательствомъ его творческой силы не проявляющейся болѣе въ конкретной жизни. На ряду съ этимъ замѣчается другое теченіе, выдвигающее давно забытую связь его съ Миномъ, служившимъ символомъ оплодотворяющей силы. Нѣкоторое примиреніе оба теченія находятъ въ древнемъ образѣ «тельца оплодотворяю-

щаго свою мать», творческая сила котораго вытекаетъ одновременно изъ обоихъ источниковъ. Лишенная живого родника религіозная мысль снова прибѣгаетъ къ безжизненнымъ формуламъ, прикрывая свое безсиліе «глубокомысленными» аргументами.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ принципомъ единства Амона-Ра, утратившимъ теперь конкретный смыслъ. Онъ стоитъ въ вопіющемъ противорѣчіи не только съ великимъ множествомъ созданныхъ религіей образовъ, но что еще хуже, съ усиливающимся ростомъ культа остальныхъ боговъ. Въ періодъ расцвѣта ѳиванской религіи единство Амона не нуждалось въ доказательствахъ; если прочіе боги сохранили свой культъ, то второстепенное значеніе ихъ въ сравненіи съ Амономъ ни въ комъ не возбуждало сомнѣній. Теперь верховенство «царя боговъ» фактически стало номинальнымъ, но тѣмъ крѣпче цѣпляется за принципъ единства богословское умозрѣніе. Прочіе боги объявляются воплощеніями Амона-Ра или даже частями его тѣла. Чѣмъ болѣе реальная жизнь подкапывается подъ фундаментъ ѳиванской религіи, тѣмъ смѣлѣе становятся чисто теоретическія посягательства ея богослововъ, доходящихъ до абсурдныхъ утвержденій вродѣ того, что Амонъ родилъ Ра и всѣхъ первобытныхъ боговъ.

Впрочемъ, аргументы ѳиванскихъ богослововъ были гораздо слабѣе, чѣмъ отстаиваемая ими идея. Слабость богословскаго періода заключается въ томъ, что религія теперь снова утратила связь съ реальной жизнью, снова стала дѣломъ умозрѣнія, доступнаго лишь образованнымъ классамъ. Но какъ богословская доктрина, возникшая за нѣсколько вѣковъ до этическаго монотеизма израильскихъ пророковъ, она все же представляетъ глубокій интересъ. Мы видимъ въ ней первую попытку логически формулировать идею бога, единаго, всемогущаго, безначальнаго, вездѣсущаго, непостижимаго и милосерднаго. [1]) Задача ей

[1]) Ср. Б. А. Тураевъ. Исторія древняго Востока. Ч. I. Стр. 353.

поставлена была нелегкая; по справедливому замѣчанію Эрмана, [1]) «надъ египетскимъ народомъ тяготѣло особое проклятіе: онъ не умѣлъ забывать». Созданные на зарѣ исторіи многочисленные образы боговъ въ теченіе тысячелѣтій преслѣдуютъ его воображеніе, закрывая ему путь къ познанію истины. Тѣмъ болѣе приходится цѣнить попытку согласовать это множество образовъ съ идеей единаго бога, какъ бы искусственны и подчасъ тривіальны ни были примѣнявшіеся при этомъ логическіе пріемы.

Такимъ образомъ, идея единаго бога, творца и владыки вселенной снова становится въ Египтѣ удѣломъ немногихъ; для широкихъ слоевъ народа она утратила свое обаяніе съ тѣхъ поръ, какъ перестала соотвѣтствовать реальной дѣйствительности. Время крупныхъ историческихъ событій стало воспоминаніемъ далекаго прошлаго; теперь страна едва еще въ состояніи сохранить свое единство и независимость; вскорѣ ей придется испытать на себѣ власть ливійцевъ и эѳіоповъ. Вниманіе отвлечено отъ жизни государства, какъ цѣлаго, кругозоръ становится уже; въ комъ теперь теплится искреннее религіозное чувство, тотъ поневолѣ сосредоточиваетъ его на мелкихъ будничныхъ интересахъ повседневной жизни. Въ этомъ отношеніи каждый богъ можетъ быть одинаково полезенъ, независимо отъ того ранга, который принадлежитъ ему въ системѣ боговъ. Иногда почитаемое въ тѣсномъ кругу божество можетъ скорѣе прійти на помощь, чѣмъ обитающій въ великолѣпномъ храмѣ, осыпаемый богатыми дарами богъ. И чего нельзя вымолить у него дарами и молитвой, къ тому можно принудить его колдовствомъ. Такимъ образомъ, язычество со всѣми своими аксессуарами снова, и на этотъ разъ безповоротно, овладѣваетъ народомъ.

Яркимъ пятномъ на общемъ фонѣ религіознаго упадка выдѣляется теперь все болѣе усиливающаяся индивидуальная набожность. Мы знаемъ ее по краткимъ молитвамъ,

---

[1]) Erman. Religion. Стр. 5.

сохранившимся на памятникахъ частныхъ лицъ, нерѣдко принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ народа. Молитвы эти проникнуты необычайной теплотой чувства и искренней вѣрой въ милосердіе бога. Среди боговъ, къ которымъ обращены подобныя изліянія религіознаго чувства, видную роль играетъ Амонъ. Мы не разъ имѣли случай указать на то, что милость и отеческое попеченіе въ отношеніи къ своимъ почитателямъ всегда были характерными чертами этого бога. Теперь, когда оффиціальный культъ выродился въ механическое выполненіе предписанныхъ обрядовъ, а гимны, искаженные богословскими ухищреніями, перестали вызывать живой откликъ въ народѣ,—единственное, что осталось отъ нѣкогда живой религіи, это—связанное съ Амономъ представленіе о его благости и особенной милости, которую онъ удѣляетъ робкимъ, молчаливымъ, гонимымъ судьбой.

* * *

Мы попытались въ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить ходъ развитія ѳиванской религіи. Мы видѣли, какъ изъ незначительнаго мѣстнаго бога Амонъ пестепенно превращается въ государственнаго бога съ ярко выраженнымъ націольнымъ характеромъ, все болѣе приближаясь въ то же время къ идеѣ мірового бога. Мы видѣли, далѣе, что религія эта съ самаго начала проникнута была теплотой и искренностью чувства, которое въ послѣдующее время подверглось дальнѣйшему развитію и углубленію. Мы видѣли, наконецъ, что, какъ по господствующему въ ней настроенію, такъ и по логической формулировкѣ идеи божества въ ѳиванскомъ богословіи, религія эта безконечно приближается къ воззрѣніямъ и чувствованіямъ, хорошо знакомымъ намъ по Ветхому Завѣту. Но все же отъ насъ не могла ускользнуть глубокая пропасть, раздѣляющая эти двѣ религіи: мы ясно видимъ ту грань, которая никогда не могла быть перейдена религіознымъ сознаніемъ Египта. Та глубина религіознаго переживанія, которая полу-

чила наиболѣе яркое выраженіе въ формулѣ credo quia absurdum и которая въ значительной степени проявилась уже въ этическомъ монотеизмѣ израильскихъ пророковъ, никогда не могла быть постигнута египтянами, конкретнѣйшими изъ людей, которые и загробную жизнь не представляли себѣ иначе, какъ въ видѣ повторенія реальной земной жизни. Вотъ почему египетская религія на всѣхъ стадіяхъ своего развитія находится въ столь безусловной зависимости отъ внѣшняго хода историческихъ событій. Вотъ почему всѣ монотеистическія попытки неизмѣнно терпѣли въ Египтѣ крушеніе, лишь только мѣнялась политическая обстановка, благопріятствовавшая возвышенію одного культа надъ остальными. Если для израильскихъ пророковъ уничтоженіе политической самостоятельности народа послужило источникомъ небывалаго до тѣхъ поръ углубленія религіознаго чувства и усиленія этическаго начала въ религіи, то въ Египтѣ упадокъ политической мощи государства сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее развитіе монотеизма. Въ этомъ съ достаточной ясностью сказалось коренное различіе этихъ двухъ религій, которсе при всемъ сходствѣ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ религіознаго мышленія и переживанія, характеризуетъ ѳиванскій монотеизмъ, какъ болѣе примитивную ступень религіознаго развитія. Если ѳиванское богословіе и сумѣло логически формулировать идею единаго бога, то ему нехватило внутренняго огня, который превратилъ бы плодъ умозрѣнія въ искреннее религіозное убѣжденіе.

II.

ОТОЖЕСТВЛЕНІЕ АМОНА И РА, КАКЪ ИСХОДНЫЙ ПУНКТЪ РАЗВИТІЯ ѲИВАНСКОЙ РЕЛИГІИ.

Солнечный гимнъ въ ѳиванской литургіи.—Переводъ гимна.—Анализъ его содержанія.—Логическое и историческое обоснованіе отожествленія Амона и Ра.—Вліяніе этого отожествленія на послѣдующее развитіе религіи.

Первоначальный періодъ ѳиванской религіи, характеризующійся перенесеніемъ возникшихъ въ Иліополѣ религіозныхъ воззрѣній и чувствъ на ѳиванскую почву, является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи египетской религіи. Отожествленіе Амона и Ра отнюдь не было произвольнымъ измышленіемъ ѳиванскихъ жрецовъ, стремившихся будто бы этимъ путемъ поднять престижъ никому неизвѣстнаго дотолѣ Амона, а возникло подъ вліяніемъ опредѣленныхъ историческихъ условій и находитъ себѣ оправданіе въ особенностяхъ религіознаго мышленія египтянъ.

Оно создало ту основу религіи, на почвѣ которой возникли наиболѣе значительныя явленія послѣдующаго періода. То религіозное настроеніе, которое получило столь яркое выраженіе въ проявленіяхъ индивидуальной набожности, въ молитвахъ фараоновъ и частныхъ лицъ, находится лишь въ видимомъ противорѣчіи съ оффиціальной религіей, утратившей къ концу Новаго царства свою свѣжесть и жизненность. Въ дѣйствительности оно имѣетъ

общій съ ней корень въ той предшествующей стадіи ѳиванской религіи, когда не отдѣльная личность—будь то фараонъ или рядовой египтянинъ,—а весь народъ въ цѣломъ является носителемъ религіозныхъ переживаній и, какъ таковой, проявляетъ истинную, глубокую религіозность.

Для выясненія религіозныхъ воззрѣній и чувствованій, ставшихъ благодаря отожествленію Амона съ Ра исходнымъ пунктомъ развитія ѳиванской религіи, мы приводимъ ниже гимнъ солнечному богу, который включенъ былъ въ ѳиванское богослуженіе, повидимому, въ теченіе Средняго царства; въ пользу этого предположенія говоритъ простота его слога, отсутствіе въ немъ богословскихъ умозрѣній болѣе поздняго времени, а также то, что кругозоръ его автора не выходитъ еще за предѣлы собственнаго Египта. Анализъ этого текста показываетъ, что въ немъ содержится результатъ всего предшествующаго религіознаго развитія, а именно: идея личнаго универсальнаго бога. По содержащимся въ немъ воззрѣніямъ и чувствованіямъ онъ живо напоминаетъ намъ религіозную поэзію Ветхаго Завѣта.

Развитіе египетской религіи въ эпоху Новаго царства находится въ тѣсной связи съ политическими событіями, послѣдовавшими за освобожденіемъ Египта отъ господства гиксосовъ. Объединеніе страны на этотъ разъ произошло подъ властью ѳиванскихъ фараоновъ, прочно утвердившихъ внѣшнее могущество Египта. Наступившій расцвѣтъ политической жизни приписывался помощи и покровительству ѳиванскаго Амона, и естественно, что этотъ богъ, отожествленный уже въ періодъ Средняго царства съ Ра, занялъ теперь въ качествѣ «царя боговъ» первенствующее мѣсто въ египетской религіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грандіозный ростъ его карнакскаго храма, сосредочившій въ рукахъ ѳиванскихъ жрецовъ огромныя богатства, а также широкое распространеніе его культа по всей странѣ и даже за предѣлами ея въ завоеванныхъ земляхъ.

Рядомъ съ этими внѣшними фактами мы наблюдаемъ также глубокія измѣненія во внутреннемъ содержаніи религіи. Они заключаются прежде всего въ расширеніи понятія лежащаго въ ея основѣ божества, которое впослѣдствіи близко подходитъ къ идеѣ мірового бога, а съ другой стороны, — въ углубленіи религіознаго чувства. Молитвы Амону, влагаемыя въ уста фараоновъ и встрѣчающіяся въ памятникахъ 18-й династіи и особенно часто позднѣе въ эпоху Рамессидовъ, сплошь и рядомъ проникнуты духомъ истиннаго благочестія. А въ молитвахъ единичныхъ египтянъ, сохранившихся въ памятникахъ Новаго царства, мы находимъ подчасъ выраженіе столь глубокаго религіознаго чувства, что ихъ склонны были даже считать совершенно исключительнымъ явленіемъ на общемъ фонѣ египетской религіи.

Появленіе названныхъ текстовъ въ концѣ 18-й династіи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ официальной религіей, запутавшейся въ согласованіи противорѣчащихъ другъ другу миѳовъ и чуждой религіозныхъ переживаній отдѣльной личности. Тѣмъ не менѣе возникшая въ противовѣсъ ей индивидуальная набожность, по всей вѣроятности, имѣетъ общій съ ней корень въ той предшествующей стадіи ѳиванской религіи, когда не отдѣльная личность—будь-то фараонъ или рядовой египтянинъ,—а весь народъ въ цѣломъ является носителемъ религіозныхъ переживаній и какъ таковой проявляетъ истинную глубокую религіозность. Въ гимнахъ Амону нерѣдко попадаются явные слѣды того внутренняго содержанія ѳиванской религіи, которое послужило исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго развитія. Правда, въ дошедшихъ до насъ текстахъ поздняго происхожденія истинный смыслъ религіи въ большинствѣ случаевъ настолько искаженъ произвольными богословскими построеніями, что онъ почти ускользаетъ отъ нашего вниманія. И все же мы вынуждены предполагать его существованіе и тѣмъ болѣе должны пытаться вскрыть его содержаніе, что въ немъ, очевидно,

кроется источникъ жизнеспособности ѳиванской религіи, столь ярко обнаружившейся въ успѣшной борьбѣ ея съ вѣроученіемъ Аменхотепа IV. Поскольку возстановленіе культа Амона-Ра было дѣломъ искренняго религіознаго убѣжденія, въ немъ несомнѣнно сказалось лежащее въ основѣ его глубокое религіозное чувство.

Но говоря о первоначальномъ періодѣ ѳиванской религіи, мы имѣемъ въ виду не мѣстный культъ Амона, характеръ котораго намъ совершенно не извѣстенъ, а ту стадію этой религіи, которая создалась на почвѣ отожествленія Амона съ Ра. Перенесеніе возникшихъ въ Иліополѣ религіозныхъ вѣрованій и чувствъ на ѳиванскую почву является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи египетской религіи. Двойное имя бога отнюдь не является произвольнымъ измышленіемъ ѳиванскихъ жрецовъ, стремившихся будто бы этимъ путемъ поднять престижъ никому не извѣстнаго дотолѣ Амона, а возникло подъ вліяніемъ опредѣленныхъ историческихъ условій и находитъ себѣ оправданіе въ особенностяхъ религіознаго мышленія египтянъ; неудивительно поэтому, что оно создало благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія религіи.

Для выясненія же религіозныхъ воззрѣній и чувствованій, ставшихъ благодаря отожествленію Амона съ Ра исходнымъ пунктомъ ѳиванской религіи, мы приводимъ ниже гимнъ солнечному богу, который включенъ былъ въ ѳиванское богослуженіе, повидимому, въ теченіе Средняго царства; въ пользу этого предположенія говоритъ простота его слога, отсутствіе въ немъ богословскихъ умозрѣній болѣе поздняго времени, а также то, что кругозоръ его автора не выходитъ еще за предѣлы собственнаго Египта. Анализъ этого текста показываетъ, что въ немъ содержится результатъ всего предшествующаго религіознаго развитія, а именно: идея личнаго универсальнаго бога. По содержащимся въ немъ религіознымъ воззрѣніямъ и чувствованіямъ онъ живо напоминаетъ намъ религіозную поэзію Ветхаго Завѣта.

Солнечный богъ хотя и несвободный отъ миѳическихъ и космическихъ элементовъ рисуется въ немъ преимущественно творцомъ и промыслителемъ міра и всего живущаго, а во взаимоотношеніяхъ между нимъ и его почитателями мы находимъ ту же теплоту и близкую къ нашимъ представленіямъ интимность, которая такъ поражаетъ насъ въ упомянутыхъ выше молитвахъ единичныхъ египтянъ. Но отъ этихъ молитвъ гимнъ нашъ однако существенно отличается въ одномъ пунктѣ: носителемъ религіозныхъ переживаній въ немъ является не отдѣльная личность, а весь народъ въ цѣломъ. «Мы славимъ тебя, мы превозносимъ тебя»—такъ начинается гимнъ, и во всемъ послѣдующемъ текстѣ богу всегда противопоставляется коллективъ, а не отдѣльная личность. Такимъ образомъ приводимый ниже гимнъ заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашемъ представленіи о ѳиванской религіи, открывая завѣсу надъ тѣмъ ея періодомъ, который послужилъ исходнымъ пунктомъ всего послѣдующаго развитія.

Включеніе гимна въ ѳиванскую литургію произошло, повидимому, чисто механическимъ путемъ: воспѣваемый въ немъ солнечный богъ-просто на-просто названъ Амонъ-Ра и локализированъ въ Ѳивахъ при помощи двухъ несомнѣнныхъ интерполяцій: 1) Въ строкахъ 130 и послѣдующихъ, очевидно, изображается поклоненіе боговъ и людей солнцу при его появленіи на небѣ; благодаря тому, что здѣсь искусственно втиснуты въ текстъ фразы: «Ѳивы ликуютъ, Карнакъ торжествуетъ... когда проносятъ твою статую» (стр. 128, 129, 131),—сцена эта можетъ быть понята, какъ поклоненіе Амону, появившемуся въ праздничной процессіи; 2) стр. 145: «ты восходишь въ Ѳивахъ (и заходишь въ Иліополѣ)»—очевидно позднѣйшая вставка, имѣющая цѣлью локализировать солнечнаго бога въ Ѳивахъ.

Но изъ того факта, что гимнъ нашъ первоначально не имѣлъ ничего общаго съ ѳиванскимъ Амономъ и лишь

механически былъ включенъ въ его богослуженіе, отнюдь не вытекаетъ, что содержащееся въ немъ религіозное настроеніе не могло быть внутренно переживаемо ѳиванцами. Достаточно вспомнить, что въ христіанское богослуженіе вошли цѣликомъ ветхозавѣтные псалмы, чтобы доказать неосновательность подобнаго предположенія. И хотя это религіозное настроеніе и не возникло первоначально въ Ѳивахъ, оно несомнѣнно пустило здѣсь глубокіе корни и подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій послѣдующаго періода подверглось дальнѣйшему развитію и углубленію.

Но какимъ образомъ сочетаніе двухъ совершенно разнородныхъ образовъ Амона и Ра могло послужить основой для возникновенія столь жизнеспособной религіи?— Прежде чѣмъ перейти къ выясненію этого вопроса необходимо ознакомиться ближе съ содержаніемъ нашего гимна [1].

Хвала тебѣ, хвала тебѣ Амонъ-Ра.
Мы превозносимъ твой духъ,
Мы почитаемъ твой образъ,
Ты лучезарный,
Многоликій,
Многоцвѣтный,
Сердца не насытятся любовью къ тебѣ.

---

[1] Берлинскій папирусъ 3049 стр. 7, 8—16, 5. Для настоящаго перевода я, съ любезнаго разрѣшенія д-ра Мёллера, воспользовался его транскрипціей папируса по рукописнымъ матеріаламъ «Берлинскаго словаря». Папирусъ изданъ въ факсимиле въ официальныхъ публикаціяхъ Брлинскаго музея: Hieratische Papyrus aus den Königlichen Museen zu Berlin, herausgegeben von der General-verwatung, II, табл. 16—23. Lpz. 1905. Папирусъ вмѣстѣ съ рядомъ другихъ, содержащихъ ѳиванскіе ритуалы и гимны, пріобрѣтенъ Лепсіусомъ въ 1845 г. у луксорскаго торговца древностями Тріантофилла. Они происходятъ, навѣрное, изъ одной находки и переписаны при XXII дин. съ рукописи, восходящей къ Рамсесу IX и, въ свою очередь, конечно, бывшей копіей еще болѣе древняго оригинала.

Предвѣчный,
Сотворившій небо,
И создавшій землю,
Создавшій моря и горы,
Творецъ вселенной,—
Ты озарилъ землю во тьмѣ,
Засіявъ въ хаосѣ.—
Люди и боги появились лишь послѣ тебя.
Всесильный,
Многоимянный,
Невѣдомый,—
Онъ далекъ для взора,
Но близокъ слухомъ[1]).
Владыка силы,
Съ крѣпкой дланью,
Могучій въ тотъ часъ,
Сокрушающій ужасъ...
Истребляющій враговъ своихъ.
Кроткій,
Милосердный,
Любвеобильный,
Добросердечный,
Внимающій мольбамъ,
Приходящій на зовъ.
Родившій людей,
И создающій имъ все насущное,
Единый, имѣющій власть оживлять,
Неутомимый...
Онъ—плодотворная влага,
Производящая растительность,
И злаки произрастаютъ,
Исходя изъ его тѣла.
Онъ утверждаетъ того,
Кто прославляетъ его духъ

---

[1]) Смыслъ этой антитезы разъясненъ ниже (стр. 14).

И превозноситъ его оба диска[1]);
Онъ сокрушаетъ того,
Кто отвращается отъ него,
Не постигая его истинности.
Какъ хорошо поминать твою благость, о владыка боговъ.
Сердце стремится воздать тебѣ хвалу,
Люди съ радостью прославляютъ твое великое имя,
Вознося тебѣ хвалу своими устами.
Приди, приди, ты живой, нетлѣнный богъ,
Вѣчно юный, необъятный.

. . . .

Духъ твой на небѣ,
Но образъ твой на землѣ
Лица озарены твоимъ (свѣтомъ),
Сердца переполнены тобой.
Приди, приди Амонъ-Ра,
Зачатый ночью,
Днемъ рожденный,
Явившійся младенцемъ,
Вѣчно юный.
Бытіе боговъ опредѣляется
По его сіянію на горизонтѣ,
И вѣкъ людской познается
По свѣту лучей его.
Годъ исчисляется по его появленію,—
Счетъ всего сущаго сталъ возможенъ благодаря твоему бытію.
Ты побѣдитель, владыка боговъ.
Враги твои . . . .

. . . .

(2 страницы папируса уничтожены)

. . . .

Приди, приди Амонъ-Ра,

---

1) Солнце и луна.

Основавшій обѣ земли,
Утвердившій оба царства,
Создавшій весь міръ по помысламъ сердца своего,
Возвѣщающій грядущее въ концѣ вѣковъ,—
Вѣчность предъ лицомъ его словно вчерашій день.
Творецъ нашихъ славословій,—
Ты вложилъ ихъ въ сердца наши,
Создавая насъ.
Мы славимъ тебя,
Когда ты свѣтишь на горизонтѣ;
Когда ты вновь появляешься,
Обѣ земли ликуютъ.
Ты приходишь, когда взываютъ къ тебѣ въ часъ (твоего) милосердія.
Боги возглашаютъ:
«Мы славимъ нашего отца».
Люди (произносятъ:)
«Мы славимъ творца нашего
Въ имени его—создателя нашего».
Богъ этотъ—владыка справедливости,—
Въ ней его отрада,—
. . . . . . источникъ помысловъ,
Богатый предначертаніями.
Судьба подластна ему,
Годы (людскіе)—въ рукѣ его,
Богини судьбы[1]) повинуются его велѣніямъ.
Сотворившій людей
И произведшій боговъ,
Дарующій жизнь людямъ
И создающій имъ все насущное,
Предвѣчный, сотворившій Эннеаду,—
Міръ возникъ,
Когда онъ создалъ его по помысламъ сердца своего.

---

[1]) Въ текстѣ Rnnt Mŝĥnt.

Все совершается по его установленiю,
И имъ предопредѣлено всякiе бытiе.
Божественный,
Въ началѣ временъ пришедшiй изъ небытiя,
Самъ себя произведшiй своими руками,
Сiяющiй, лучезарный,
Добросердечный,
Многоликiй,
Благостный,
Неустанно обновляющiйся,—
Онъ царь вѣчности
И владыка безконечности.
Владыка неба,
Царь земли,—
Онъ создалъ обѣ земли,
Основалъ номы
И утвердилъ храмы боговъ на вѣчныя времена.
Какъ хорошо восхвалять тебя, творецъ вселенной.
Ибо ты богъ, произведшiй боговъ,—
Ты ихъ всѣхъ сотворилъ,—
Руки ихъ воздѣваются, прославляя тебя,
Люди, смертные, превозносятъ тебя,
Они славословятъ,
Когда ты восходишь на горизонтѣ,
И падаютъ ницъ передъ дивнымъ образомъ твоимъ.
Любовь къ тебѣ не изсякнетъ во вѣки.
Ѳивы ликуютъ,
Карнакъ веселится,
Твся Эннеада торжествуетъ,
Когда проносятъ твою статую.
Ты странствуешь въ своей ладьѣ
При своемъ появленiи
Подобно тому, кого шакалы влекутъ по путямъ богини Нутъ.
Лучи твои сiяютъ подобно солнечному диску,

Отражаясь въ небѣ и на землѣ.
Къ тебѣ взираютъ всѣ очи,
Когда ты сіяешь,
И сердца ликуютъ,
Завидя тебя,—
Какъ прекрасны оба ока Амона-Ра.
Впереди тебя вѣчность,
И позади тебя вѣчность,—
Онъ есть безконечность.
Ты восходишь въ Ѳивахъ
И заходишь въ Иліополѣ;
Домъ Феникса достоинъ вмѣщать твое тѣло[1]).
Ты обнимаешь оба конца вѣчности,
Нѣтъ конца бытію твоему.
Къ тебѣ приходятъ приносящіе все благое.
Хвала тебѣ, владыка всѣхъ владыкъ, ради любви твоей.
Хвала тебѣ, владыка всѣхъ твореній, ради славы твоей.
Хвала тебѣ, создатель міра, по величію мощи твоей.
Хвала тебѣ, могучій въ образѣ твоемъ, по обилію благости твоей.
Хвала тебѣ, ты грозный, мы падаемъ ницъ передъ лицомъ твоимъ.
Хвала тебѣ, явившійся младенцемъ,
Хвала тебѣ, властитель рода людского, всѣ творенія твои славятъ тебя.
Хвала тебѣ, ты единый, произведшій боговъ и людей.
Всѣ созданія твои преклоняются передъ тобой,
. . . . ,
Они славятъ тебя за дѣла твои.
Кто покоренъ тебѣ,—
Ты повелѣлъ, да будетъ онъ на землѣ,

[1]) Какъ указано выше,—позднѣйшая вставка, прерывающая тѣсную связь между строками 144 и 148.

165. И нѣтъ гибели подъ твоей защитой.
Бытіе твое вѣчно,
Годы твои безконечны.
Сынъ твой Горъ умножаетъ дары твои вѣчно.

Если оставить въ сторонѣ двойное имя бога и его локализацію въ Ѳивахъ, которая упоминается лишь въ двухъ указанныхъ выше интерполяціяхъ, то гимнъ нашъ всецѣло посвященъ солнечному богу. И все же заключающееся въ немъ понятіе божества не представляется намъ неразложимымъ по своему содержанію.

Съ одной стороны, оно выступаетъ передъ нами въ роли дневного свѣтила: «люди поклоняются ему, когда оно восходитъ на горизонтѣ» (78—81) и его вѣчное бытіе ставится въ связь съ его ежедневнымъ обновленіемъ въ видѣ солнца на небѣ (57—60. 156); еще опредѣленнѣе выступаетъ космическій характеръ божества въ той части гимна, гдѣ имъ, какъ небеснымъ свѣтиломъ, обусловливается исчисленіе времени (61—66).

Съ другой стороны, въ немъ нетрудно узнать миѳическаго бога Ра, въ началѣ временъ возникшаго въ хаосѣ, сотворившаго міръ, боговъ и людей, и создавшаго для нихъ все насущное. Какъ таковой, онъ обладаетъ уже человѣческими чертами, но въ противоположность извѣстному миѳу, по которому Ра въ древности будто-бы правилъ людьми на землѣ, но впослѣдствіи, разгнѣванный ихъ измѣной, вознесся на небо, чтобы устранить всякую близость съ ними,—въ нашемъ гимнѣ особенно поражаетъ интимность, лежащая въ основѣ взаимоотношенія между богомъ и людьми. Присутствіе бога ощущается въ каждомъ изъ его твореній. Величіе и могущество бога не дѣлаютъ его равнодушнымъ къ насущнымъ нуждамъ людей. Въ этомъ, повидимому, заключается смыслъ непонятной на первый взглядъ антитезы: «онъ далекъ для взора, ие близокъ слухомъ» (19—20),—при всей своей недоступности онъ поддерживаетъ тѣсное общеніе съ людьми, без-

престанно внимая ихъ мольбамъ и даруя имъ свою милость. Яснѣе та же мысль высказана въ другомъ мѣстѣ гимна: «духъ твой на небѣ, но статуя твоя на землѣ» (52—53),—другими словами, при посредствѣ культа постоянно поддерживается связь между богомъ и людьми.

Въ отношеніи къ своимъ почитателямъ изображенный въ гимнѣ богъ опредѣленно выступаетъ передъ нами въ качествѣ личнаго бога. Онъ «владыка справедливости,—въ ней его отрада», онъ «источникъ мудрости, богатый предначертаніями» (88—91); онъ требуетъ отъ человѣка повиновенія (161—162); онъ покровительствуетъ своимъ почитателямъ и «сокрушаетъ того, кто отвращается отъ него, не постигая его истинности» (40—45). «Судьба подвластна ему и годы людскіе въ рукѣ его» (92—93). Однако, онъ не только «грозный, всемогущій»,—но и «кроткій, милосердный, любвеобильный и добросердечный» богъ, «внимающій мольбамъ, приходящій на зовъ» (26—31), и для вѣрующихъ въ него «нѣтъ гибели подъ его защитой» (163). Оттого и отношеніе человѣка къ нему проникнуто любовью и искреннимъ почитаніемъ. «Сердца переполнены имъ» (55), «они не насытятся любовью къ нему» (7); «любовь къ нему не изсякнетъ во вѣки» (127). Недвижимый страхомъ и нуждой, а по свободному влеченію сердца преклоняется передъ нимъ человѣкъ: «сердце стремится воздавать ему хвалу» (47) и люди «съ радостью превозносятъ своего творца» (119), «съ радостью поминаютъ его благость и славятъ его великое имя, вознося ему хвалу своими устами» (46—49). Ибо человѣку отъ природы свойственно славить создателя: богъ, «творецъ славословій, создавая человѣка, вложилъ ихъ въ его сердце» (75—77).

Въ приведенныхъ цитатахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ чертъ, столь же мало вытекающихъ изъ космическаго характера божества, какъ и изъ той роли, какая приписывается ему въ миѳическихъ сказаніяхъ. Какъ извѣстно, ни солнечный богъ, какъ небесное свѣтило, ни Ра, какъ герой миѳа, не имѣли храмовъ и культа: между тѣмъ только

на почвѣ послѣдняго могло развиться то взаимоотношеніе между богомъ и его почитателями, которое характеризуетъ его, какъ личнаго бога. Это взаимоотношеніе и связанныя съ нимъ религіозныя переживанія, представляя собой исконную основу религіи, могло развиться въ Египтѣ исключительно на почвѣ какого, нибудь мѣстнаго культа. Для космическаго божества оно несомнѣнно является привнесеннымъ извнѣ, и если въ нашемъ гимнѣ солнечному божеству приписываются черты личнаго бога, то это можно понять лишь, какъ результатъ сліянія его съ какимъ-нибудь мѣстнымъ богомъ. Таковымъ первоначально и былъ иліопольскій Атумъ, еще въ доисторическое время отожествленный съ богомъ Ра; на почвѣ этого сочетанія (Атумъ-Ра) въ Иліополѣ постепенно произошло то углубленіе религіи и расширеніе лежащаго въ ея основѣ понятія божества, въ результатѣ котораго возникла идея личнаго универсальнаго [1]) бога.

[1]) Слово «универсальный» я употребляю здѣсь въ отличіе отъ термина «космическій»; подъ универсальнымъ богомъ я разумѣю творца и промыслителя міра, подъ космическимъ — олицетвореніе опредѣленной силы природы (богъ земли, богъ солнца и т. п.), при этомъ разграниченіи высказанное Эд. Мейеромъ положеніе, что мѣстные боги имѣютъ тенденцію развиваться въ космическія божества (Geschichte. B. I, 2. § 188) остается справедливымъ постольку, поскольку всякій мѣстный богъ дѣйствительно можетъ при благопріятныхъ условіяхъ развиться въ универсальнаго бога. Кажущійся переходъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ боговъ въ космическіе на самомъ дѣлѣ означаетъ лишь отожествленіе ихъ съ таковыми. Космическія божества уже потому не могли произойти изъ мѣстныхъ боговъ, что они въ египетской религіи столь же первоначальны, какъ и послѣдніе; въ противоположность этому универсальный богъ есть продуктъ послѣдующаго развитія.

Съ логической точки зрѣнія указанный процессъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Первоначально египетской религіи присущи только два рода божествъ: мѣстный богъ и космическое божество. Первый изъ нихъ универсаленъ по характеру приписываемой ему дѣятельности, но ограниченъ тѣснымъ кругомъ почитателей; второе же

олицетворяетъ лишь опредѣленную силу природы, но пользуется всеобщимъ признаніемъ. Другое различіе между ними заключается въ томъ, что мѣстный богъ обычно имѣетъ характеръ личнаго бога, тогда какъ космическое божество по самой природѣ своей исключаетъ подобныя черты. Идея же универсальнаго божества, неограниченнаго по характеру приписываемой ему дѣятельности пользующагося всеобщимъ признаніемъ и носящаго притомъ черты личнаго бога, возникла въ египетской религіи лишь въ результатѣ сліянія обоихъ первоначально присущихъ ей родовъ божествъ. Благодаря отожествленію съ космическимъ божествомъ мѣстный богъ распространяетъ на весь міръ присущую ему искони въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ универсальнаго рода дѣятельность и требуетъ и достигаетъ всеобщаго признанія. Съ другой стороны космическое божество послѣ сліянія съ мѣстнымъ богомъ не является уже болѣе олицетвореніемъ лишь одной какой-нибудь силы природы, а заступаетъ мѣсто творца и промыслителя міра и, принявъ черты личнаго бога, становится объектомъ культа, основаннаго на интимной связи между человѣкомъ и богомъ.

То обстоятельство, что идея универсальнаго бога возникла въ Египтѣ именно указаннымъ выше путемъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ одну характерную особенность египетской религіи: идея высшаго божества осталась въ ней навсегда неразрывно связанной съ представленіемъ о солнцѣ. (Отъ этой ассоціаціи, какъ извѣстно, не могъ освободиться и наиболѣе абстрактный изъ религіозныхъ мыслителей древняго Египта—Аменхотепъ IV.) Отсюда понятно, что лишь только какой-нибудь мѣстный богъ въ силу политическихъ или иныхъ условій пріобрѣталъ характеръ универсальнаго бога, египтянинъ находилъ возможнымъ отожествить его съ солнечнымъ богомъ. Въ періодъ Средняго царства подобныя попытки неоднократно предпринимались жрецами мѣстныхъ боговъ; полученныя въ результатѣ ихъ сочетанія: Хнумъ-Ра, Собкъ-Ра, Амонъ-

Ра, съ точки зрѣнія египетской религіи не содержатъ въ себѣ логическаго противорѣчія. Въ каждомъ изъ этимъ сочетаній мѣстный богъ лишь заступаетъ мѣсто Атума въ существовавшемъ съ древнѣйшихъ временъ сочетаніи Атумъ-Ра, [1]), въ которомъ мы не замѣчаемъ противорѣчія только потому, что слишкомъ привыкли считать Атума солнечнымъ богомъ. Въ дѣйствительности же Атумъ всегда изображается на египетскихъ памятникахъ въ видѣ человѣка и первоначально, какъ мѣстный богъ, столь же мало имѣетъ общаго съ солнцемъ, какъ и Амонъ.

Такимъ образомъ, возникшее въ теченіе Средняго царства отожествленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ боговъ съ Ра не имѣетъ еще ничего общаго съ тѣмъ безпочвеннымъ смѣшеніемъ боговъ, которое становится господствующимъ въ концѣ Новаго царства, когда религіозное творчество уступаетъ мѣсто богословскимъ умозрѣніямъ. Теперь, въ эпоху Средняго царства, оно является естественнымъ продуктомъ религіознаго развитія и становится особенно понятнымъ въ связи съ ходомъ политическихъ событій. Рас-

---

[1]) Разумѣется, я не берусь утверждать, что указанный логическій процессъ, лежащій въ основѣ отожествленія мѣстныхъ боговъ, въ частности Амона, съ Ра, въ дѣйствительности такъ и мыслился египтянами. Впрочемъ, въ одномъ изъ богословскихъ текстовъ лейденскаго папируса 1.350 имѣется мѣсто, которое, пожалуй, могло бы быть истолковано въ этомъ смыслѣ. Утверждая, что Амонъ родилъ первобытныхъ боговъ и произвелъ Ра, текстъ продолжаетъ: «онъ, какъ Атумъ дополняетъ себя, будучи однимъ тѣломъ съ нимъ», т.-е. съ Ра (цит. по переводу Б. А. Тураева въ Исторіи древняго Востока, 2-е изд. 1913 г., ч. I, стр. 358. Курсивъ мой). Изъ приведенной цитаты ясно, что, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи богослововъ позднѣйшаго періода отожествленіе Амона съ Ра было чѣмъ-то аналогичнымъ тожеству Атума и Ра.

Все различіе заключается въ томъ, что сопоставленіе Ра съ Амономъ не коренится въ столь глубокой древности, а произошло въ историческое время въ такой моментъ, когда процессъ образованія миѳовъ былъ уже законченъ; только поэтому оно кажется болѣе произвольнымъ, чѣмъ сліяніе Атума и Ра.

паденіе Древняго царства неблагопріятно отозвалось на развитіи возникшаго въ Иліополѣ космическаго монотеизма: политической раздробленности Средняго царства не соотвѣтствовало преобладающее господство одного бога. Тѣмъ не менѣе иліопольскій Ра не могъ быть низведенъ на степень мѣстнаго бога, а продолжаетъ играть исключительную роль въ религіозномъ сознаніи египтянъ; въ указанныхъ выше случаяхъ сопоставленія его съ мѣстными богами можно видѣть попытку устранить создавшееся противорѣчіе между религіознымъ сознаніемъ и политической дѣйствительностью. Когда же съ вторичнымъ объединеніемъ Египта Ѳивы стали центромъ политической жизни страны, а ѳиванскій Амонъ естественно пріобрѣлъ значеніе высшаго божества, его отожествленіе съ Ра, логически безупречное съ точки зрѣнія египетской религіи, получило теперь новое оправданіе въ сложившемся ходѣ историческихъ событій. Этимъ объясняется особенная жизнеспособность этого «двуединаго» бога и столь значительная роль его въ исторіи египетской религіи.

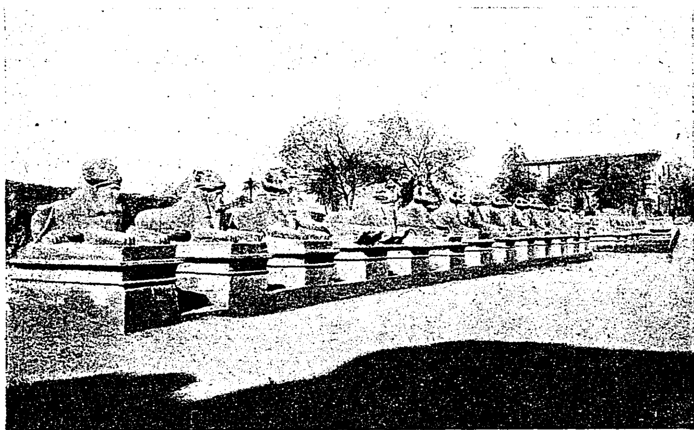
Самъ по себѣ ѳиванскій Амонъ, претендуя на значеніе верховнаго бога, не въ состояніи былъ бы выдержать соперничества съ Ра, религія котораго пустила уже слишкомъ глубокіе корни. Съ другой стороны, и солнечный богъ, при измѣнившейся политической конъюнктурѣ, только благодаря сопоставленію его съ Амономъ могъ сохранить свое преобладающее значеніе въ египетской религіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ само понятіе солнечнаго бога подверглось существенному измѣненію. Возникшее въ Ѳивахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, отожествленіе Ра съ мѣстными богами способствовало тому, что представленіе о солнцѣ, какъ о жизнедарующемъ началѣ, все болѣе отдѣлялось отъ миѳическаго образа Ра. А если мѣстные боги для поддержанія своего престижа нуждались въ признаніи ихъ тожества съ солнечнымъ богомъ, то этимъ еще болѣе подчеркивалось, что солнце является един-

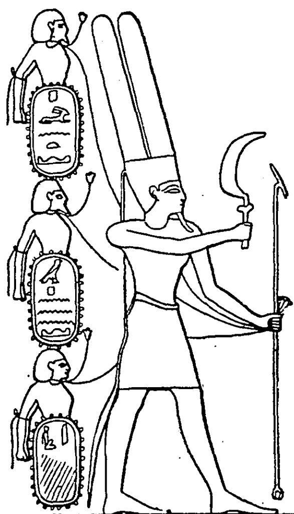
ственнымъ источникомъ божественной силы. Этимъ была подготовлена почва для религіозной реформы Аменхотепа IV. Въ самомъ дѣлѣ, если воплощенное въ солнцѣ божество могло одинаково олицетворяться въ иліопольскомъ Атумѣ, какъ въ ѳиванскомъ Амонѣ или вообще въ любомъ мѣстномъ богѣ, то дальнѣйшій шагъ велъ отсюда къ тому, что оно само по себѣ, отдѣленное отъ своего миѳическаго прообраза, могло быть признано высшимъ божествомъ. Разумѣется, нужна была необычайная смѣлость мысли для того, чтобы порвать съ тысячелѣтними традиціями своего народа, и въ этомъ сказалась оригинальность религіознаго творчества Аменхотепа IV. Но стремясь къ идеѣ мірового бога, общаго всѣмъ народамъ Аменхотепъ IV не только изолировалъ свое божество отъ миѳическихъ элементовъ, но устранилъ также всякую связь его съ какимъ бы то ни было мѣстнымъ культомъ. Выдвигая такимъ образомъ на первый планъ исключительно космическій характеръ своего божества, Аменхотепъ IV лишилъ свое вѣроученіе того, что во всѣ времена составляло главный жизненный нервъ всякой религіи — идеи личнаго бога и связаннаго съ ней тѣснаго взаимодѣйствія между богомъ и его почитателями, которое получило столь яркое выраженіе въ приведенномъ нами гимнѣ въ отличіе отъ извѣстнаго гимна Аменхотепа IV. Въ послѣднемъ мы высоко цѣнимъ не только космополитическую тенденцію его автора, но и необычайную чуткость, съ какой онъ, повидимому, умѣлъ прислушиваться къ жизни природы, но съ другой стороны едва ли можно отрицать, что изображенный въ немъ богъ, безличный, безстрастный, какъ сама природа, гораздо болѣе можетъ служить удовлетворенію «метафизической потребности», нежели непосредственному религіозному чувству. Это обстоятельство, по всей вѣроятности, сыграло не послѣднюю роль въ ряду многихъ другихъ причинъ, обусловившихъ неудачу религіозной реформы Аменхотепа IV.

Съ возстановленіемъ культа Амона-Ра ѳиванская ре-

лигія переживаетъ новый періодъ расцвѣта. Прочно утвердивъ верховное господство своего бога въ Египтѣ и распространяя его культъ въ завоеванныхъ земляхъ, она инымъ путемъ, чѣмъ то думалъ Аменхотепъ IV, стремится къ утвержденію идеи мірового бога. Но и въ качествѣ мірового бога Амонъ-Ра сохраняетъ свой строго національный характеръ подобно тому, какъ богъ израильскихъ пророковъ, достигнувъ значенія мірового бога, продолжаетъ оставаться національнымъ богомъ израильскаго народа. Но если библейскій Ягве, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи пророковъ сохранилъ свое значеніе мірового бога и послѣ глубокаго униженія, постигшаго народъ его, то подобная точка зрѣнія была, конечно, совершенно недоступна египетскимъ богословамъ. Напротивъ, уничтоженіе внѣшняго могущества Египта крайне неблагопріятно отразилось на развитіи религіи, подорвавъ міровое значеніе Амона-Ра, а начавшееся вслѣдъ затѣмъ политическое разложеніе египетскаго государства положило конецъ монотеистическому теченію въ египетской религіи. Теперь наступаетъ періодъ безпочвеннаго синкретизма, характеризующаго упадокъ египетской религіи и утрату ею всякаго внутренняго содержанія.

Но тѣ историческія событія, которыя обусловили упадокъ государственной религіи, не только не препятствовали развитію индивидуальной набожности, но въ извѣстномъ смыслѣ даже способствовали ея процвѣтанію. Въ тѣсныхъ рамкахъ обыденной жизни престижъ боговъ остался непоколебимымъ, и по мѣрѣ того, какъ исчезало обаяніе политической мощи государства, религіозное сознаніе, естественно, все болѣе сосредоточивалось на повседневныхъ интересахъ личной жизни. Только потому, что расцвѣтъ индивидуальной набожности совпадаетъ по времени съ постепеннымъ упадкомъ государственной религіи, создается впечатлѣніе, будто она возникла совершенно независимо отъ офиціальнаго культа. Но самое происхожденіе личной набожности осталось бы для насъ загадкой, если бы мы не нашли ея первоисточника въ древнѣйшемъ періодѣ ѳиванской религіи, послѣдовавшемъ непосредственно за отожествленіемъ Амона и Ра.

III.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕРЪ АМОНА-РА И СВЯЗЬ ЕГО СЪ ЦАРСКОЙ ВЛАСТЬЮ.

Амонъ-Ра, какъ виновникъ военныхъ успѣховъ фараоновъ.— Религіозныя празднества, какъ демонстрація политическаго могущества Египта.—Соотношеніе между фараономъ и Амономъ.—Образцы молитвъ фараоновъ.

Тѣсное взаимодѣйствіе религіозной и политической жизни свойственно всѣмъ народамъ древняго Востока, но нигдѣ оно не получило столь односторонняго развитія, какъ въ Египтѣ, гдѣ религіозное сознаніе всегда находилось въ огромной зависимости отъ внѣшняго хода историческихъ событій. При этомъ условіи понятно, что изгнаніе гиксосовъ, сопровождавшееся объединеніемъ Египта подъ властью ѳиванскихъ князей, и обширныя завоеванія первой половины 18-й династіи не могли не оказать существеннаго вліянія на религіозное развитіе эпохи.

Въ центрѣ вниманія стоитъ теперь политическая жизнь страны — разразившіяся событія, сдѣлавшія Египетъ первымъ государствомъ въ мірѣ, покорившія ему Сирію, Нубію и Ливію, подчинившія его вліянію отдаленный Пунтъ и южные острова Средиземнаго моря. Въ короткое время Ѳивы стали міровымъ городомъ, въ которомъ сосредоточились богатства всѣхъ странъ міра, куда въ качествѣ плѣнниковъ стекались представители различныхъ народностей; сталкиваясь съ ними, египтянинъ впервые ощутилъ въ себѣ національное чувство, сознаніе своего превосходства передъ другими народами. Безконечные походы первой половины 18-й династіи, особенно участившіеся въ царствованіе Тутмоса III, сдѣлали войну привычнымъ для египтянъ дѣломъ, а блестящіе результаты этихъ походовъ пріучили народъ радоваться военнымъ успѣхамъ фараоновъ, видѣть въ нихъ осуществленіе національныхъ вожделѣній. Постепенно измѣнился и самый идеалъ фараона, бывшаго въ эпоху Средняго царства воплощеніемъ мирныхъ добродѣтелей и ставшаго теперь преимущественно олицетвореніемъ военной доблести.

Указанныя перемѣны въ настроеніи народа не могли не отразиться на его религіозныхъ представленіяхъ. Мы видѣли, что въ предшествующій періодъ религіозное сознаніе сосредоточилось преимущественно на Амонѣ-Ра, почитая въ немъ творца міра и устроителя египетскаго государства. Теперь тотъ же богъ, подъ эгидой котораго достигнуто объединеніе страны и ея внѣшнее могущество, становится воплощеніемъ политической мощи государства, передъ грознымъ величіемъ котораго пали въ прахъ нѣкогда столь сильные враги Египта. И если ранѣе аттрибутами бога были жезлъ и бичъ, какъ символы внутренняго господства, то теперь въ рукѣ его оказывается мечъ, краснорѣчивѣе всякихъ эпитетовъ характеризующій его, какъ бога войны.

Если въ офиціальныхъ памятникахъ этой эпохи мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ представленіе, что всѣ пред-

пріятія фараона являются лишь исполненіемъ воли Амона, могущество котораго способствуетъ ихъ осуществленію, а достигнутые этимъ путемъ результаты служатъ прежде всего для прославленія величія Амона, то мы не можемъ видѣть въ подобнаго рода утвержденіяхъ одну лишь фразеологію ѳиванскихъ жрецовъ, стремившихся подчинить своему вліянію государственную власть и извлечь изъ этого подчиненія соотвѣтственныя выгоды для своего сословія. Подобныя тенденціи несомнѣнно были весьма сильны въ средѣ ѳиванскаго жречества, но самый успѣхъ этихъ притязаній доказываетъ, что провозглашенные жрецами лозунги нашли для себя благопріятную почву въ религіозномъ сознаніи народа, являясь наилучшимъ отраженіемъ переживаемаго страной историческаго момента. Трудно допустить, чтобы столь подвижная эпоха, какой для Египта является первый періодъ Новаго царства, сопровождалась полнымъ застоемъ въ области религіознаго творчества, и что, затрачивая столь огромныя средства на внѣшнее великолѣпіе культа, народъ относился равнодушно къ внутреннему содержанію религіи, предоставляя жрецамъ измышлять религіозныя формулы, наиболѣе соотвѣтствующія ихъ сословнымъ интересамъ. Менѣе всего можно понять, какимъ образомъ могущественные фараоны этой эпохи, основатели міроваго господства Египта, могли добровольно подчинить себя требованіямъ теоріи, идущей въ значительной мѣрѣ въ разрѣзъ съ интересами неограниченной власти монарха, если теорія эта не являлась въ то же время адэкватнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ религіозныхъ переживаній. Необходимымъ условіемъ внѣшняго успѣха ѳиванскихъ жрецовъ является прежде всего искренняя вѣра въ могущество бога, служителями котораго были эти жрецы, а источникомъ вѣры служила въ данную эпоху благопріятствовавшая ей реальная дѣйствительность.

Обращаясь къ немногимъ религіознымъ памятникамъ этой эпохи, мы находимъ въ нихъ подтвержденіе выска-

заннымъ соображеніямъ. Намѣтившееся уже въ предшествующій періодъ стремленіе ѳиванскихъ жрецовъ къ сближенію религіи съ жизнью получило теперь дальнѣйшее развитіе, приведшее къ тому, что религіозная поэзія на время какъ бы освобождается отъ тяжелаго балласта миѳологическихъ представленій прежнихъ вѣковъ. Содержаніемъ ея является сама реальная дѣйствительность,— и прославляя величіе бога, гимны не обращаются взоромъ къ туманному прошлому, а изображаютъ политическія событія эпохи, какъ проявленіе могущества и благости Амона. И образъ бога, взявшаго въ руки мечъ, чтобы повергнуть къ стопамъ фараона всѣхъ враговъ Египта и поднять народъ на небывалую до тѣхъ поръ ступень величія и славы, не могъ не пробудить живой вѣры въ душѣ народа въ эпоху подъема политическаго творчества, когда еще живы были воспоминанія о пережитыхъ невзгодахъ и столь ярко вырисовывалась благотворная власть бога — покровителя фараона и націи.

Классическимъ выраженіемъ совершившейся перемѣны въ религіозныхъ воззрѣніяхъ египтянъ является ода, вложенная въ уста самого Амона и рисующая отношеніе его къ фараону Тутмосу III. По стилю она примыкаетъ къ офиціальной литературѣ эпохи и потому не лишена гиперболъ и миѳологическихъ сопоставленій. Но содержаніемъ ея служитъ изображеніе достигнутыхъ государствомъ военныхъ успѣховъ, какъ дѣло рукъ фараона, руководимаго самимъ Амономъ. Насколько ода эта является характернымъ воплощеніемъ религіозно-политическаго идеала эпохи, можно судить по тому, какой популярностью пользовался во весь періодъ Новаго царства этотъ памятникъ, послужившій образцомъ для послѣдующихъ произведеній этого рода. Приводимъ текстъ памятника въ переводѣ Б. А. Тураева. [1])

---

[1]) Исторія древняго Востока, часть I, стр. 282.

«Рѣчь Амона-Ра, владыки Өивъ:

Ты пришелъ ко мнѣ, ты ликуешь, созерцая красоту мою, мой сынъ, мой отомститель, Минхеперра, вѣчно живущій. Я сіяю ради любви къ тебѣ, мое сердце радуется твоему прекрасному пришествію къ моему храму. Мои руки обнимаютъ тебя...

Я далъ тебѣ силу и побѣду надъ всѣми странами; я распространилъ твою славу повсюду, страхъ передъ тобой до четырехъ столповъ неба... Я связалъ тебя для нубійцевъ десятками тысячъ, азіатовъ сотнями тысячъ и повергъ твоихъ враговъ подъ твои сандаліи... Земля въ длину и ширину, на западъ и востокъ подвластна тебѣ... Ты прошелъ воду великаго изгиба Месопотаміи съ побѣдой и силой. Я далъ имъ услыхать твой крикъ, и они скрылись въ пещеры, и я лишилъ ихъ ноздри дыханія жизни. Я посѣялъ страхъ передъ твоимъ величествомъ въ ихъ сердца. Змѣя твоей короны сокрушаетъ ихъ, беретъ въ плѣнъ жителей Коди, пожираетъ обитателей болотъ своимъ пламенемъ. Сняты головы азіатовъ, отъ нихъ никого не осталось, повергнуты дѣти князей ихъ. Я далъ твоимъ побѣдамъ пройти всѣ страны... Я сдѣлалъ безсильными вторгающихся—сердца ихъ горятъ, а члены трясутся. Я явился и далъ тебѣ поразить князей финикійскихъ, я повергъ ихъ подъ ноги на высотахъ ихъ.

Я далъ имъ видѣть тебя, какъ владыку сіянія,
ты освѣтилъ лица ихъ подобно моему образу.
Я пришелъ и далъ тебѣ покорить азіатовъ,
я далъ имъ видѣть тебя во всеоружіи,
когда ты хватаешь оружіе на военной колесницѣ.
Я пришелъ и далъ тебѣ покорить востокъ,
ты попралъ обитателей Земли Божественной.
Я далъ имъ видѣть твое величество подобнымъ звѣздѣ, предвѣщающей бурю,
когда она пускаетъ пламя и дождь.
Я пришелъ и далъ тебѣ покорить западъ,
Кефтіу и Кипръ въ страхѣ:

Я далъ имъ увидать твое величество подобнымъ юному тельцу,
твердому сердцемъ, крѣпкому рогами и неприступному.
Я пришелъ и далъ тебѣ покорить обитателей болотъ;
Митани трепещетъ отъ ужаса:
Я далъ имъ увидѣть твое величество подобнымъ крокодилу, виновнику ужаса въ водѣ, къ которому опасно приближаться.
Я пришелъ и далъ тебѣ поразить обитателей острововъ;
живущіе при Средиземномъ морѣ подъ впечатлѣніемъ твоего рычанія
я далъ имъ увидать твое величество, какъ отомстителя.
Я поставилъ тебя царемъ, мой возлюбленный сынъ,
Горъ, могучій телецъ, сіяющій въ Ѳивахъ, рожденный мною, Тутмосъ, вѣчно».

Итакъ, Тутмосъ III, неутомимый завоеватель, упрочившій внѣшнее могущество Египта, является не болѣе, какъ орудіемъ въ рукахъ Амона, милости и покровительству котораго онъ обязанъ не только своими побѣдами, но и самымъ трономъ своимъ. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи гимнъ, заимствуемый нами изъ Лейденскаго папируса 1350 [1]) и относящійся, безъ сомнѣнія, къ эпохѣ 18-й династіи. Объ этомъ съ достаточной ясностью говоритъ столь ярко обрисованная имъ политическая обстановка момента; но говоря о подчиненіи всѣхъ странъ Египту, текстъ страннымъ образомъ обходитъ молчаніемъ фараона, а обращается непосредственно къ богу, какъ единственному виновнику совершившагося переворота.

Перечисляя «чудесные дары», со всѣхъ странъ стекающіеся въ храмъ Амона и служащіе для возвеличенія его культа, гимнъ рисуетъ этого бога могучимъ властителемъ не только Египта, но и всей земли. И заключительная фраза гимна: «Нѣтъ бога, равнаго тебѣ въ твоихъ зем-

---

[1]) Глава 6-я (по нумераціи папируса).—См. A. Gardiner. Hymns to Amon from a Leiden Papyrus. Aeg. Zeitschrift, томъ 42(1905 г.) стр.14.

ляхъ»—не производитъ впечатлѣнія богословскаго догмата, а является естественнымъ выводомъ изъ дѣйствительнаго соотношенія конкретныхъ событій.

«Всѣ земли объялъ страхъ передъ тобой
жители ихъ обузданы ради славы твоей.
Имя твое возвышено сильно, могуче,
моря,океаны подвластны тебѣ.
Слава твоя (?) обошла всю землю
(и достигла) обитателей островов среди моря.
Всѣ страны посылаютъ тебѣ чудесные (дары),
ибо вся земля повергнута въ страхъ передъ тобой.
Къ тебѣ приходятъ жители Пунта,
ради тебя зеленѣютъ деревья Божественной Земли,
(откуда) приходятъ корабли, (нагруженные) ладаномъ,
чтобы наполнить храмъ твой праздничнымъ благовоніемъ.
Смолистыя деревья испускаютъ мирру,
благоуханіе ихъ проникаетъ въ твои ноздри...
Изъ благовонныхъ маслъ мѣшаютъ елей,
чтобы помазать имъ твое тѣло...
и цѣнную мирру для твоей головы.
Для тебя растутъ кедры (ливанскіе?),
чтобы строить изъ нихъ твою ладью Усерхетъ;
для тебя горы доставляютъ камни,
чтобы воздвигать изъ нихъ пилоны (твоихъ храмовъ).
Барки и морскіе корабли плывутъ по водѣ,
подходятъ къ пристанямъ, нагруженные для тебя.
Они плывутъ по Нилу,(погоняемые)сѣвернымъ вѣтромъ,
чтобы доставить тебѣ всѣ блага міра.—
Нѣтъ бога (равнаго тебѣ?) въ твоихъ земляхъ».

Если приведенная выше ода наиболѣе соотвѣтствовала вкусу образованныхъ египтянъ, воспитанныхъ на традиціонной поэзіи и миѳологіи, то настоящій гимнъ, не служившій, повидимому, цѣлямъ культа, [1]), является

[1]) Въ гимнѣ ни разу не упомянуто имя бога, что было бы недопустимо въ литургическомъ текстѣ.

безыскуственнымъ выраженіемъ искренняго религіознаго переживанія и обращается къ непосредственному чувству народа. Не прибѣгая къ миѳологическимъ сопоставленіямъ, а напоминая лишь хорошо извѣстные каждому факты, гимнъ безъ излишней напыщенности рисуетъ могущество Амона, какъ виновника мірового господства Египта. Каждый египтянинъ видѣлъ, какъ снаряжались морскія экспедиціи, отправлявшіяся подъ военной охраной въ отдаленныя страны, чтобы доставить оттуда необходимые для культа Амона цѣнные продукты; видѣлъ, какъ по Нилу перевозились огромныя глыбы мрамора, предназначенные для украшенія его храмовъ; видѣлъ во время празднествъ все великолѣпіе богослуженія, многія подробности котораго напоминали о военной мощи Египта,—и невольно проникался глубокой вѣрой во всемогущество бога, искренно и добровольно подчиняясь благотворной власти его. Столь значительные военные успѣхи, какіе выпали на долю Египта въ первую половину 18-й династіи, не достигаются одной лишь властью деспота, а требуютъ полнаго напряженія не только матеріальныхъ, но и духовныхъ силъ народа. Какъ ни далекъ былъ рядовой египтянинъ отъ сознательнаго участія въ политической жизни страны, онъ не могъ однако не испытывать на себѣ обаянія столь яркихъ событій переживаемой имъ эпохи, и оставаясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ и монарха, онъ все же, по крайней мѣрѣ, въ торжественные моменты народныхъ праздниковъ проникался искренней радостью за достигнутые страной успѣхи, — и радость эта служила прочной опорой его вѣры.

Сказанное здѣсь находитъ себѣ подтвержденіе въ гимнахъ, распѣвавшихся въ эту эпоху въ Ѳивахъ во время праздничныхъ религіозныхъ процессій. Происхожденіе и первоначальный характеръ этихъ празднествъ подлежитъ еще болѣе детальному изслѣдованію. Судя по тому, что мы знаемъ о нихъ, они въ эпоху Средняго царства находятся

въ тѣсной связи съ солнечнымъ характеромъ Амона-Ра. Сопровождавшія ихъ церемоніи заключались въ слѣдующемъ. Статуи боговъ ѳиванской тріады (Амона, Мутъ и Хонса) въ переносныхъ наосахъ выносились изъ карнакскаго храма и въ торжественной процессіи доставлялись на берегъ Нила. Здѣсь наосы помѣщались въ нарочито построенную священную барку, перевозились по рѣкѣ, затѣмъ также и шествіе направлялось въ луксорскій храмъ. Въ распѣвавшихся при этомъ гимнахъ прославлялось величіе Амона-Ра, какъ солнечнаго бога; стереотипнымъ для этихъ гимновъ является утвержденіе, что «странствуя въ своей рѣчной баркѣ, Амонъ подобенъ Ра въ его вечерней ладьѣ». Если принять во вниманіе, что процессія двигалась съ востока на западъ и заканчивалась на томъ берегу Нила, гдѣ расположенъ былъ ѳиванскій некрополь, обычно называвшійся «западнымъ горизонтомъ», то естественно предположить, что процессія являлась какъ бы мистеріей, изображавшей странствіе солнечнаго бога въ преисподнюю.

Однако въ эпоху Новаго царства празднества эти постепенно принимаютъ необычайно пышный характеръ. Въ процессіи участвуетъ самъ фараонъ въ сопровожденіи всего двора и высшихъ представителей свѣтской и духовной власти; женщины всѣхъ классовъ общества сопровождаютъ шествіе, оживляя празднество пѣніемъ, музыкой и пляской; въ пѣніи гимновъ принимаетъ участіе и народъ, въ частности матросы, занятые перевозкой процессіи. Барка, въ которой перевозился богъ, строилась изъ кедра, привезеннаго для этой цѣли изъ Сиріи; ладанъ, которымъ фараонъ кадилъ во время процессіи, изготовлялся изъ смолы «анти», для добыванія которой испускающія ее деревья съ корнями привозились изъ далекаго Пунта. Эти подробности культа вмѣстѣ съ богатыми дарами и жертвами, посвящаемыми по случаю праздника богу, невольно напоминали о внѣшнемъ могуществѣ Египта, придавая торжеству преимущественно характеръ національнаго празд-

ника. Въ связи съ этимъ, въ распѣваемыхъ процессіей гимнахъ, подчеркивается могущество Амона, какъ бога войны; въ гимны вплетаются молитвы о долголѣтіи фараону и о дарованіи побѣды надъ врагами. Въ колоннадѣ царя Харемхеба въ луксорскомъ храмѣ сохранилось сильно пострадавшее отъ времени изображеніе подобной праздничной процессіи; надъ матросами, занятыми перевозкой процессіи черезъ Нилъ, высѣченъ слѣдующій текстъ [1]:

«Амонъ сіяетъ въ своей ладьѣ,
подобно Ра на горизонтѣ неба.
Вся земля ликуетъ,
завидя лучи его въ баркѣ рѣчной,
подобно Ра въ его вечерней ладьѣ.
(Небо) ликуетъ, земля веселится:
Амонъ направляется въ свое святилище,
чтобъ занять свой предвѣчный престолъ.
Онъ даруетъ жизнь и счастье сыну своему Харемхебу.
Какъ прекрасно появленіе твое, Амонъ,
когда ты (странствуешь) въ своей ладьѣ Усерхетъ.
Люди прославляютъ тебя,
и вся земля ликуетъ.
Сынъ твой первородный, вышедшій изъ чреслъ твоихъ,
онъ везетъ тебя въ Опетъ.
Даруй ему вѣчную жизнь и вѣчную власть,
одари его жизнью и счастьемъ.
Пошли ему радостное царствованіе,
награди его милліонами лѣтъ и сотнями тысячъ юбилеевъ:
онъ сынъ твой возлюбленный (одаренный жизнью).
онъ разукрасилъ твой храмъ
и умножилъ дары твои вдвое противъ прежняго...
Пошли ему власть надъ южными странами

---

[1] G. Daressy. La procession d'Ammon. Mémoires de la Mission archéologique française au Caire. T. 8. Стр. 384 и сл.—Для перевода текста использована разработка Sethe для Берлинскаго словаря.

и побѣду надъ сѣверными,
расширь границы (его государства) во всѣхъ направленіяхъ.
Да будетъ жизнь его вѣчна, какъ небо,
и да сіяетъ онъ, какъ солнце.
Покоренные народы приходятъ къ тебѣ,
нагруженные всевозможными дарами,
(принося) лучшее изъ того, что у нихъ есть:
воловъ, дикихъ козъ, антилопъ и гусей безъ числа.
Ихъ приноситъ тебѣ въ жертву сынъ твой,
совершающій угодное (тебѣ) въ твой праздникъ Опетъ.
Ликуй народъ (египетскій):
Амонъ вновь посѣтилъ свое святилище».

Въ гимнѣ въ достаточной мѣрѣ подчеркнуто господствующее въ данную эпоху представленіе о связи Амона съ солнечнымъ богомъ, но не менѣе ярко выступаетъ въ немъ національный характеръ божества, тѣсная связь его съ царской властью и военными успѣхами Египта. Двойственный характеръ Өиванской религіи, получившій внѣшнее выраженіе въ двойномъ имени бога, ясно сказывается въ приведенномъ гимнѣ, какъ и въ двойственномъ характерѣ самого празднества, сохранившаго многія черты космическаго культа, но служившаго въ то же время яркимъ выраженіемъ живого участія Амона въ конкретной жизни народа, — черта несомнѣнно стоящая въ тѣсной связи съ первоначально мѣстнымъ характеромъ этого бога. Въ этомъ искусномъ приспособленіи традиціонныхъ обрядовъ и вѣрованій къ конкретной обстановкѣ момента кроется вся тайна жизненности Өиванской религіи и внѣшняго успѣха ея жрецовъ.

Однако, приведенный гимнъ, служившій декоративнымъ украшеніемъ храма, естественно носитъ по преимуществу официальный характеръ. На ряду съ текстами этого типа, обычными въ монументальныхъ памятникахъ Новаго царства, Берлинскій папирусъ 3056 сохранилъ намъ и поэтическое описаніе өиванскаго празднества.

Приводимый ниже текстъ, [1]), какъ и Лейденскій гимнъ, удѣляетъ меньше вниманія фараону, но тѣмъ ярче въ немъ проявляется глубокое религіозное чувство, тѣснѣйшимъ образомъ переплетающееся съ національнымъ самосознаніемъ. Празднество въ Өивахъ изображается въ немъ, какъ міровое торжество, въ которомъ одинаково принимаютъ участіе земля и небо, боги и люди, а Амонъ является въ немъ символомъ внѣшняго могущества Египта, торжество котораго приводитъ въ трепетъ самыхъ отдаленныхъ враговъ Египта.

«Открыты врата большого храма,
Выносятъ наосъ изъ великаго храма.
Өивы ликуютъ,
Иліополь веселится,
Карнакъ торжествуетъ,
Клики радости въ небѣ и на землѣ.
Люди и боги столпились,
Радуясь тому, что свершилось на землѣ.
Толпа громогласно ликуетъ,
воздавая хвалу славному богу Амону-Ра,
Владыкѣ престоловъ обѣихъ земель.
Когда онъ въ храмѣ являетъ свой ликъ,
Рычаніе его доходитъ до края земли (?)
въ день торжества въ его храмѣ
слава его обходитъ (всѣ) моря
Владыка сіянія въ Өивахъ, —
страхъ передъ нимъ охватилъ чужеземцевъ.
Земля и небо полны его благодати;
золото лучей его струится къ ноздрямъ фараона,
принося ему радость и счастье.
Благоденствуй, владыка боговъ,

[1]) Берлинск. пап. 3056, стр. 7, 1—8, 2; папирусъ въ факсимиле изданъ въ Hieratische Papyrus aus den Kgl. Museen zu Berlin. T. II.— Для перевода использована разработка Moeller для берлинскаго словаря.

странствующій [1]) въ Ѳивахъ на великомъ престолѣ своемъ.
Слава храму твоему,
дающему радость тебѣ.
Ты могучій владыка силы,
ты держишь въ повиновеніи обѣ земли;
ты защищаешь свой народъ,
а страхъ посылаешь врагамъ твоимъ.
Слава ладьѣ твоей,
Слава красѣ твоей — статуѣ твоей...
Слава змѣѣ на челѣ твоемъ,—
обѣ змѣи охраняютъ твой ликъ.
Слава змѣѣ на наосѣ твоемъ
и божественному коршуну на храмѣ семъ.
Слава перьямъ на твой головѣ...
Слава благовонію въ храмѣ твоемъ,
золотой одеждѣ на образѣ твоемъ.
Слава скипетрамъ въ твоихъ рукахъ.
Боги и люди восклицаютъ тебѣ:
Благоденствуй, владыко нашъ,
жизнь и счастье да войдутъ въ твои ноздри.
Ты овладѣлъ землями, какъ побѣдитель;
благой ликъ твой доволенъ фараономъ».

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что приведенный гимнъ является оригинальнымъ продуктомъ ѳиванской религіозной поэзіи. Если въ эпоху Средняго царства для изображенія подобнаго празднества заимствовались цѣликомъ солнечные гимны, [2]), подвергавшіеся при этомъ незначительнымъ измѣненіямъ, то въ нашемъ текстѣ лишь немногія черты напоминаютъ о связи ѳиванской рели-

[1]) «Странствующій на сидѣньи», т. е. проносимый въ процессіи.— Въ текстѣ употреблено слово ḫnś-w безъ опредѣлителя; несомнѣнно имѣется въ виду глаголъ hns «странствовать», а не имя бога Хонса, упоминаніе котораго было бы совершенно неумѣстно; въ послѣднемъ случаѣ едва ли могъ бы отсутствовать опредѣлитель.

[2]) Ср. выше, гл. II, стр. 32 сл.

гіи съ космическимъ монотеизмомъ; таковы — упоминанія Иліополя (стр. 4) и строки 18—20, говорящія о солнечномъ характерѣ бога. Но наиболѣе яркими являются тѣ части гимна, въ которыхъ изображается власть Амона надъ всѣмъ міромъ и ужасъ, наводимый имъ на враговъ Египта. Появленіе бога въ праздничной процессіи является какъ бы апоѳеозомъ его могущества и славы; мысль эта въ поэтической формѣ высказана въ трехъ параллельныхъ двустишіяхъ (стр. 12—17): «въ день торжества въ его храмѣ слава его обходитъ всѣ моря», и «чужеземцевъ охватываетъ страхъ передъ нимъ»; тѣмъ болѣе чувствуетъ на себѣ его покровительство египетскій народъ. Даже столь часто встрѣчающійся въ текстахъ эпитетъ «владыка престоловъ обѣихъ земель» въ нашемъ гимнѣ, при отсутствіи другихъ заимствованныхъ изъ миѳологіи, эпитетовъ звучитъ особенно выразительно, рисуя значеніе Амона для политическаго объединенія Египта, послужившаго источникомъ его военныхъ успѣховъ: «держа въ повиновеніи обѣ земли, Амонъ защищаетъ свой народъ, посылая страхъ врагамъ его» (26—28).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ гимнѣ подчеркнуто, что воспѣваемое въ немъ божество есть не кто иной, какъ мѣстный ѳиванскій богъ; вѣроятно, поэтому текстъ съ такой любовью останавливается на внѣшнихъ аттрибутахъ бога (29—38), частью мѣстнаго происхожденія. Такъ естественно въ описаніи праздничной процессіи это восхваленіе внѣшнихъ предметовъ культа, столь безразличныхъ для насъ, но, безъ сомнѣнія, вызывавшихъ искреннее благоговѣніе въ столпившемся народѣ, радостно созерцавшемъ великолѣпіе празднества.

Что и простой народъ не относился безучастно къ совершающемуся торжеству, — объ этомъ свидѣтельствуетъ гимнъ, (по странной случайности) сохранившійся въ Лондонскомъ медицинскомъ папирусѣ. [1]) Здѣсь, на ряду

[1]) W. Wreszinski. Papyrus Hearst und der Londoner medizinische Papyrus, стр. 163 и сл., ср. стр. 210 и сл.

съ медицинскими рецептами и магическими заклинаніями, находимъ слѣдующій текстъ:

«При видѣ статуи Амона-Ра, которому ты молишься въ Ѳивахъ, когда ты видишь фараона при появленіи Амона, градъ его ликуетъ,
сердце его радуется,
фараонъ сопровождаетъ его,
молодежь при Ѳиванскомъ дворѣ веселится
при видѣ статуи его.
Владыко мой, Амонъ-Ра,
сердце твое крѣпче скалы,
ты расширилъ сѣверную и южную страны,
ты покорилъ землю для (жителей) града твоего.
Ты юный телецъ,
твой крикъ приводитъ въ ужасъ сѣверъ и югъ.
Небо ликуетъ, земля сіяетъ,
при появленіи Амона.
Владыка мой, Амонъ-Ра,
дай мнѣ быть среди толпы,
дай мнѣ узрѣть сіяніе образа твоего
при твоемъ появленіи.
При видѣ его статуи:
Прекрасенъ Амонъ, прекрасенъ Амонъ».

По существу гимнъ не содержитъ ничего новаго по сравненію съ предыдущими текстами, но для насъ цѣнны послѣднія строки его, въ которыхъ сказывается наивное благоговѣніе простолюдина, ослѣпленнаго блескомъ и пышностью торжества и величіемъ бога, во имя котораго оно совершается.

Рядомъ съ приведеннымъ текстомъ въ Лондонскомъ папирусѣ [1]) помѣщены гимны, обращенные къ Амону-Ра и свидѣтельствующіе о популярности этого бога въ широкихъ слояхъ народа. Къ сожалѣнію, папирусъ въ этой

---

[1]) Ibid.

части настолько поврежденъ, что дать сколько-нибудь связный переводъ этихъ текстовъ не представляется возможнымъ; судя по тому, что сохранилось отъ гимновъ, можно думать, что они относятся къ болѣе позднему времени. Въ изображаемую нами эпоху непосредственное обращеніе простолюдина къ Амону является скорѣе исключеніемъ. Та теплота и интимность въ отношеніяхъ между богомъ и его почитателями, которыми характеризуется первоначальный періодъ ѳиванской религіи, неизбѣжно должны были исчезнуть подъ вліяніемъ политическихъ событій, измѣнившихъ не только весь укладъ жизни, но отразившихся, какъ мы видѣли, и на религіозныхъ представленіяхъ эпохи. Вершая политическія судьбы народа, Амонъ какъ бы отстранилъ отъ себя заботу о мелкихъ будничныхъ дѣлахъ его, предоставивъ ихъ вѣдѣнію другихъ подчиненныхъ ему боговъ. Тѣмъ интимнѣе становится въ эту пору отношеніе между фараономъ и Амономъ. Унаслѣдованный отъ космическаго культа догматъ о богосыновствѣ фараона получаетъ теперь конкретный смыслъ постольку, поскольку вся милость и покровительство Амона сосредоточены въ эту эпоху преимущественно на фараонѣ, воплощающемъ въ себѣ судьбу всего народа. Въ битвѣ Амонъ сражается рядомъ съ фараономъ, направляя его стрѣлы и сѣя ужасъ среди враговъ его, а въ мирное время всѣ помыслы фараона поглощены заботой о возвеличеніи культа Амона: онъ строитъ ему новые храмы, окружаетъ прежніе великолѣпными колоннадами, а во время празднествъ посвящаетъ богу богатые дары и приноситъ въ жертву цѣлыя гекатомбы.

Многочисленные оффиціальные памятники Новаго царства рисуютъ намъ это соотношеніе между фараономъ и Амономъ, но наиболѣе яркимъ выраженіемъ его можетъ служить молитва [1]), приписываемая Рамсесу II и со-

---

[1]) Воспроизводимъ ее въ переводѣ Б. А. Тураева. Исторія древняго Востока, часть I, стр. 364.

хранившаяся въ кадешской поэмѣ. Она изображаетъ фараона въ критическій моментъ, когда на полѣ битвы рѣшается участь міровогo господства Египта; стѣсненный врагами и покинутый своимъ войскомъ, фараонъ обращается къ богу съ слѣдующими словами:

«Что съ тобой, отецъ мой Амонъ? Развѣ отецъ забываетъ о своемъ сынѣ? Развѣ я дѣлалъ что-либо помимо воли твоей? Развѣ я не ходилъ и не стоялъ согласно твоимъ реченіямъ? Я не преступалъ предначертаній устъ твоихъ, я не нарушалъ твоихъ мыслей никогда. Великій владыка Египта, да отразитъ азіатовъ съ пути своего. Что для сердца твоего азіаты? Амонъ да посрамитъ незнающихъ бога. Развѣ я не соорудилъ для тебя памятниковъ изъ бѣлаго камня, весьма многочисленныхъ, и не наполнилъ твой храмъ плѣнными, не построилъ тебѣ храмовъ миллiоновъ лѣтъ? Я далъ тебѣ имущество домашняго обихода, я принесъ тебѣ въ даръ всю землю, соединенную для снабженія твоихъ алтарей. Я заклалъ тебѣ миріады быковъ. Я не давалъ отдыха рукѣ, не исполнивъ (всего) для твоего двора. Я выстроилъ тебѣ пилонъ изъ камня, поставилъ для тебя вѣчные шесты для (флаговъ). Я доставилъ тебѣ обелиски изъ Элефантины, я велѣлъ принести тебѣ вѣчный камень, я влачилъ тебѣ корабли по океану, перевозя тебѣ дары странъ. Да будетъ иная (неблагопріятная) участь преступающему твои предначертанія, да будетъ благо испытывающему тебя, Амонъ, поступающему относительно тебя съ любящимъ сердцемъ.

Я взываю къ тебѣ, отецъ мой Амонъ, среди многочисленныхъ странъ, которыхъ я не знаю, ибо они всѣ соединились противъ меня. Я — одинъ самъ съ собой, никого нѣтъ со мною. Оставили меня моя пѣхота и конница. Если я возглашу къ нимъ, никто изъ нихъ не услышитъ, когда я закричу къ нимъ.

Я нашелъ, что Амонъ полезнѣе для меня милліоновъ солдатъ и сотенъ тысячъ колесницъ, миріадъ братьевъ и

сыновей, соединившихся вмѣстѣ. Нѣтъ дѣла многочисленнымъ людямъ — Амонъ полезнѣе ихъ.

Я достигъ этихъ мѣстъ по повелѣнію устъ твоихъ, Ра (вар. Амонъ), я не преступалъ твоихъ предначертаній. Я молился тебѣ на краяхъ страны, и гласъ мой достигъ до Ермонта. Услыхалъ (?) Ра и пришелъ, когда къ нему воззвали. Онъ даетъ мнѣ руку свою, я ликую, онъ восклицаетъ за мной и предо мною (?): — «Я предъ лицомъ твоимъ, Рамесесъ, я съ тобою, я твой отецъ Ра; рука моя съ тобою, я для тебя полезнѣе сотенъ тысячъ, соединившихся вмѣстѣ. Я владыка побѣды, любящій силу».

Я нашелъ мое сердце бодрымъ, утробу ликующей. Все, что я совершаю, исполняется. Я подобенъ Монту, стрѣляя правой рукой и хватая лѣвой. Я подобенъ Ваалу въ его годину предъ ними. Я нашелъ 2500 колесницъ, я—среди нихъ; они будутъ уничтожены предъ моими конями. Не нашелъ среди нихъ никто своей руки, чтобы сразиться со мною. Сердца ослабѣли въ ихъ тѣлахъ, руки ихъ опустились, они не умѣли пускать стрѣлы, они не нашли мужества взяться за мечи. Я повергъ ихъ въ воду, какъ крокодиловъ. Они пали на лица свои, одинъ на другого. Я перебилъ (многихъ) изъ нихъ.... ни одинъ изъ нихъ не увидалъ, что позади его, другой не обернулся. Ни одинъ поверженный не поднялся....»

Приведенный памятникъ, какъ нельзя лучше вскрываетъ передъ нами семитическій характеръ египетской религіи. Отношеніе между фараономъ и Амономъ основано на взаимномъ содѣйствіи и помощи. Стремясь къ утвержденію господства Египта въ сосѣднихъ странахъ, фараонъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ распространенію культа Амона въ завоеванныхъ земляхъ, и оказывая послѣднему помощь въ военныхъ дѣлахъ, Амонъ какъ бы отстаиваетъ свое собственное дѣло. Матеріалистическій характеръ религіи сказывается особенно въ той части молитвы, гдѣ фараонъ напоминаетъ Амону о своей приверженности къ его культу: построивъ Амону пышные храмы

и принося въ нихъ богатые дары и жертвы, фараонъ полагаетъ, что выполнилъ всѣ свои обязательства по отношенію къ богу. Узко національный характеръ религіозныхъ воззрѣній фараона проявляется въ томъ, что Рамсесъ II не допускаетъ и мысли, что Амонъ можетъ оказать покровительство чуждымъ Египту азіатамъ, не знающимъ его имени и не приносящимъ ему жертвъ.

При всемъ томъ, молитва проникнута искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Неожиданно счастливый исходъ сраженія фараонъ приписываетъ не своей личной храбрости и военному искусству, а сверхъестественному вмѣшательству бога. Эта глубокая вѣра въ могущество и милость Амона въ послѣдующій періодъ подверглась дальнѣйшему развитію, о чемъ свидѣтельствуетъ молитва [1]), сохранившаяся въ храмѣ Рамсеса III въ Карнакѣ:

«Эннеада преклоняется передъ тобой...
и ликуетъ, (завидя) прекрасный образъ твой.
Я начинаю мою рѣчь:
Ты великій владыка боговъ,
ты—овенъ съ сокровеннымъ лицомъ,
великій силой,
съ таинственными именами...,
чей образъ невѣдомъ съ древнѣйшихъ временъ.
Ты возникъ въ Хаосѣ
и засіялъ, какъ свѣточъ,
ты озарилъ тѣхъ, кто былъ во тьмѣ,
цвѣтъ твой—сіяніе,
твое дыханіе—жизнь...
Тѣло твое—дуновеніе вѣтра для ноздрей человѣка,
кто вдыхаетъ тебя, (вдыхаетъ) жизнь.
Языкъ твой—Нилъ,—
ты вѣнчанный сіяньемъ.

---

[1]) Текстъ въ 1914 г. не былъ опубликованъ; переводъ сдѣланъ по разработкѣ Sethe-Gardiner для берлинскаго словаря.

Одно поколѣніе смѣняетъ другое,
а ты (остаешься неизмѣннымъ)
въ образѣ Кэба, могучаго среди боговъ.
Ты воплощеніе Мина, владыки поколѣній...
Боги возникли изъ устъ твоихъ,
люди—изъ твоего глаза...
Судьба и счастье возникли по твоему повелѣнію.
Нѣтъ бога, равнаго тебѣ,
ибо ты одинъ создалъ все сущее.
Я познаю твою (сущность),
я постигаю твой образъ,
я сознаю, что ты божественнѣйшій изъ боговъ,
я вижу, что благо тому, кто идетъ по стопамъ твоимъ.
Кто лицезрѣлъ твою святыню,
тотъ обладаетъ здоровьемъ и счастьемъ.
Какъ хороша доля того,
кто приверженъ тебѣ и опирается на твою мощь.
Кто произноситъ твое имя,
тотъ побѣждаетъ враговъ; [1]
ты покоряешь ему ихъ однимъ взмахомъ,
между тѣмъ какъ онъ пребываетъ въ покоѣ.
Кто (взываетъ къ тебѣ) въ часъ твоего (милосердія),
тотъ мирно владѣетъ престоломъ.
Кто взываетъ къ имени твоему,
того ты оберегаешь... и (даруешь) ему счастье.
Кто обращается къ тебѣ, чтобы лицезрѣть тебя,
для того сіяетъ свѣтъ;
ты даешь ему насытиться твоей красотой,
которая на небѣ.
Кто поминаетъ твое имя,
тотъ сытъ въ своемъ званіи
и сохраняетъ его для потомства.

---

[1]) Дословно: «тотъ владыка луковъ».

Ты самъ возвелъ меня на Египетскій престолъ,
какъ повелителя обѣихъ земель,
которыя ты передалъ въ (мои) руки.
Во всѣхъ дѣлахъ моихъ я помышляю о тебѣ.
Сердце мое бодрствуетъ каждый день,—
(даже ночью) я не имѣю сна,—
чтобы наполнить алтарь твой праздничной пищей,
чтобы приносить тебѣ жертву каждый день...
Я дѣлаю это для того,
чтобы возвысить тебя надъ богами.
Я возлагаю благовонія (на твой алтарь),—
дары твои безчисленны».

Мы оставляемъ въ сторонѣ вступительную часть молитвы, носящую явный отпечатокъ богословскаго синкретизма; на текстахъ этого рода мы остановимся подробнѣе ниже въ главѣ о ѳиванскомъ богословіи. Теперь же отмѣтимъ лишь, какъ искусно использованы въ этомъ вступленіи традиціонныя воззрѣнія, служащія преимущественно для изображенія непостижимости бога, его вѣчнаго бытія и присущей ему животворящей силы. Наиболѣе замѣчательной является, однако, послѣдующая часть молитвы (стр. 27—49), по силѣ и глубинѣ чувства не уступающая наиболѣе яркимъ проявленіямъ индивидуальной набожности въ египетской религіи. Характернымъ для ѳиванской религіи является въ ней то, что вѣра въ бога зиждется не столько на традиціонныхъ воззрѣніяхъ, сколько на дѣйствительномъ соотношеіни конкретныхъ фактовъ. Внѣшнее и внутреннее преуспѣяніе государства, съ которымъ такъ тѣсно связано личное благополучіе монарха, находится во власти Амона, милость котораго достигается лишь искренней вѣрой въ него. И богъ этотъ не оставляетъ своей милостью того, «кто приверженъ ему и опирается на его мощь» (34); кто уповаетъ на него, для того не существуетъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ враговъ, тотъ прочно держитъ въ своихъ рукахъ власть,

которую онъ передаетъ своему потомству (35—42); поэтому «благо тому, кто идетъ по его стопамъ» (30). Въ подобныхъ выраженіяхъ текстъ не только по содержанію, но и по формѣ живо напоминаетъ языкъ библейскихъ псалмовъ.—Былъ ли Рамсесъ III въ дѣйствительности столь ярымъ поборникомъ культа Амона, или кто-либо иной по его порученію составилъ эту молитву, но самый фактъ ея существованія служитъ яркимъ доказательствомъ того, что подъ внѣшней оболочкой ритуала ѳиванская религія еще и въ эту эпоху таила въ себѣ живой источникъ глубокаго религіознаго чувства.

Въ заключеніе приводимъ нѣкоторые отрывки изъ большого папируса Гаррисъ, [1]) весьма характерные для соотношенія религіи и царской власти въ эпоху Новаго царства. Папирусъ, который содержитъ подробный перечень подвиговъ Рамсеса III и всѣхъ даровъ, посвященныхъ имъ храму Амона (какъ и другихъ боговъ), служилъ, какъ извѣстно, документомъ, съ которымъ фараонъ этотъ долженъ былъ предстать предъ загробнаго судью. Онъ начинается молитвой о дарованіи Рамсесу всякихъ благъ въ загробной жизни; послѣ перечисленія обычныхъ въ заупокойныхъ молитвахъ пожеланій, текстъ продолжаетъ:

«Я былъ царемъ на землѣ, повелителемъ живущихъ;
ты возложилъ корону на главу мою,
когда я съ миромъ введенъ былъ въ пышный дворецъ
и въ радости (сердца) возсѣлъ на престолѣ твоемъ.
Ты утвердилъ меня на тронѣ отца моего,
какъ ты сдѣлалъ для Гора, сына Осириса.
Я не былъ притѣснителемъ,
Я никого не отстранилъ отъ трона,
я не преступилъ твоихъ велѣній,

[1]) Переводъ сдѣланъ по разработкѣ Врешинскаго для берлинскаго словаря; см. также Б. А. Тураевъ. Исторія Древнаго Востока, часть I, стр. 340.

что ты мнѣ (заповѣдалъ).
Ты послалъ миръ и спокойствіе народу,
и вся страна была мнѣ покорна.
Я вижу благодѣянія твои, оказанныя (мнѣ) фараону,
и воздаю тебѣ за нихъ великими и многими дѣлами».

(Послѣ длиннаго перечня «подвиговъ фараона» на 40 страницахъ папируса читаемъ):

« Воздай же и ты мнѣ за великія дѣла,
которыя я совершилъ для тебя, мой отецъ.
Да достигну я преисподней подобно Осирису,
да вкушу я даровъ, приносимыхъ тебѣ,
кажденій и благовоній подобно Эннеадѣ,
да буду облитъ я лучами твоими каждый день,
да будетъ жива душа моя,
да узритъ она тебя на зарѣ.
Упокой мое сердце, святой мой отецъ,
какъ (и) я былъ угоденъ тебѣ,
покуда я жилъ на землѣ.
Внемли моей молитвѣ,
сотвори по моему слову,
по слову боговъ и людей:
утверди сына моего царемъ на землѣ,
да владѣетъ онъ царствомъ, подобно тебѣ.
Да будетъ царемъ въ Египтѣ Усимара,
котораго ты избралъ наслѣдникомъ,
дабы онъ прославлялъ твое имя.
Возложи двойную корону на главу его,
подобно тому, какъ ты былъ вѣнчанъ на землѣ,
какъ Горъ, владыка обѣихъ коронъ.
Дай силу его членамъ его
и крѣпость костямъ его,
да будетъ невредимъ глазъ его,
чтобы узрѣть безконечную любовь (твою).
Даруй ему долгую жизнь на землѣ;

да будетъ онъ снаряженъ, какъ могучій телецъ,
властитель обѣихъ земель».

Молитва эта наглядно рисуетъ интимный характеръ соотношенія между фараономъ и Амономъ. Характернымъ для эпохи Рамсеса III является узкій кругозоръ фараона, не идущаго въ своихъ пожеланіяхъ далѣе личныхъ матеріальныхъ благъ и династическихъ интересовъ. Но все же и отъ этой молитвы вѣетъ теплотой и искреннимъ чувствомъ; особенно обращаютъ на себя вниманіе стр.7—10, въ которыхъ явно проглядываетъ мысль, что благополучіе царствованія находится въ зависимости отъ правомѣрнаго владѣнія трономъ. Мысль эта, какъ и многое въ приведенныхъ молитвахъ Рамсеса III, носитъ на себѣ отпечатокъ послѣдующаго развитія ѳиванской религіи. Здѣсь же мы привели эти тексты лишь для того, чтобы возможно полнѣе исчерпать въ этой главѣ вопросъ о связи Амона съ царской властью.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

~~1503965~~

Frank-Kamenetskiĭ, I.G.

Pami͡atniki egipetskoĭ religii v fivanskiĭ period.

ц. 2 р.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Подъ общей редакціей проф. Б. А. Тураева.

Вып. I. *И. М. Волковъ.*—Законы Вавилонскаго царя Хаммураби. Съ 8 рисунками и картой. Цѣна 1 р.

Вып. II. *И. М. Волковъ.*—Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V в. до Р. Х. Съ 10 рисунками. Цѣна 1 руб.

Вып. III. *Б. А. Тураевъ.*—Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Съ 23 рисунками. Цѣна 1 р.

Вып. IV. *В. М. Викентьевъ.*—Древне-египетская повѣсть о двухъ братьяхъ. Съ 1 табл. и 14 рисунками. Цѣна 1 руб.

ДРЕВНІЙ МІРЪ. Изборникъ источниковъ по культурной исторіи Востока, Греціи и Рима. Подъ редакціей проф. *Б. А. Тураева* и ***И. Н. Бороздина.*** Часть I. ВОСТОКЪ. Съ двумя цвѣтными таблицами и 41 рис. Цѣна 1 р. 50 к.

ДРЕВНІЙ МІРЪ НА ЮГѢ РОССІИ.

Подъ редакціей проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковскаго. Съ многими рисунками. (Печатается).

ИЗДАНІЕ
Т-ва Скоропечатни А. А. Левенсонъ.
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.